

ДАХА ТАРАТОРИНА

ЛЕДИУЛ ИРИАЛ

16+

Даха Тараторина
Медиум Мириам

«Автор»

2021

Тараторина Д.

Медиум Мириам / Д. Тараторина — «Автор», 2021

Фея-алкоголичка, плешивый оборотень из френдзоны и мёртвый полуэльф с дурным характером, но зато с отвратительно идеальным носом. Отличная компания для юной леди, не так ли? Впрочем, Мириам и сама не подарок: рыжая нахалка сбежала от благочестивых родителей, как только освоила врождённый дар медиума, ни к кому не привязывается и отлично справляется с неприятностями. По крайней мере, справлялась до тех пор, пока судьба не подкинула Мири наглого, самовлюблённого, гордого, но, что греха таить, привлекательного призрака. И самое страшное - он намерен вернуться к жизни или свести медиума с ума!

© Тараторина Д., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Обманка первая	5
Обманка вторая	15
Обманка третья	22
Обманка четвёртая	29
Обманка пятая	37
Обманка шестая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Даха Тараторина Медиум Мириам

Обманка первая

Про то, что нельзя купить, и про то, что купить можно

– Пей, пей, пей, пей!

Поначалу оборотни отнеслись к затее скептически. Собственно, они вообще не сразу заметили крошечную упитанную фею с гордо вздёрнутым подбородком, прошмыгнувшую через лаз для собак в трактир. Росточком та похвастаться не могла, едва-едва достигая размера предплечья среднестатистического посетителя. Потому вышибала и внимания не обратил, что, прохаживаясь возле входа, пяткой пнул бедняжку, да пнул так сильно, что фея кубарем выкатилась в центр зала, чуть не угодив под ещё одну пару растоптанных кожаных сапог. Иная фейри, тоненько звеня крылышками, на этом предпочла бы приключение и закончить. Иная – но не Вики. Потому что Вики знала себе цену, не впервые посещала пивнушку «Блохастый бок» и не собиралась спускать обиду мохнатому двоедушнику, будь он в человеческой ипостаси или в звериной.

– Это я сейчас не поняла, парниша, – удивительно глубоким и сильным для своих размеров голосом начала она, – тебе давно усы не выдирали, псина ты плешивая?

Натужно захлопав крылышками, она вспорхнула... скорее всё же вспрыгнула на скамью, а с неё на стол, походя отпихнув потянувшуюся за бутылью лапищу, уперла руки в бока и поставила одну ногу на край тарелки с сухариками, продемонстрировав мощное бедро в разрезе и без того коротенькой юбочки.

Подвыпивший мужичок, стол которого столь виртуозно отжала боевая фея, прищурился, не уверенный, стоит ли завязывать на сегодня с брагой или, напротив, добавить ещё, чтобы скандальная тётка начала походить на милую собеседницу, а колючий ёжик на её голове – на мягкие локоны.

– Гля, какая малышка! – пробормотал он и опрометчиво ткнул ногтем в округлый животик.

– В ... его себе засунь! – сплюнула феечка вслед улепётывающему кавалеру, обсасывающему прокушенный палец. – Не, ну здрасти-накласти! Тут есть хоть кто-то, кто может ледю обслужить, э?

Трактирщик, по совместительству хозяин заведения, уборщик, ночной сторож и бухгалтер, тщательно протёр стол Вики, вынудив ту, спасаясь от тряпки, неуклюже пропрыгать на одной ножке вокруг тарелки.

– Сластей не держим, – добродушно хмыкнул оборотень, продолжая отвоёвывать чистое пространство. – У нас тут заведение мужицкое, без всяких этих ваших...

– Закусок? – флегматично подсказал вышибала.

– Что жратвы нормальной у тебя отродясь не водилось, я уже в курсе, – поморщилась Вики, уступая ещё немного стола оппоненту. – Пива плесни и смотайся за колбасой до ближайшей лавки.

Кроха двумя руками достала из заплечного рюкзака серебряную монету и швырнула вперёд. Монета покатилась к оборотню, но тот и не подумал её ловить, напротив, легонько щёлкнул, отправляя в обратный путь.

– Сказал же, фейри не обслуживаем. Два глотка сделаешь и очоуришься с непривычки, а мне отвечать!

– Я-а-а-а очоурюсь?! – возмущённо надулась Вики, но выдать гневную тираду не успела: монетка вернулась к владелице, сшибла с устойчивой ноги, вынудив перенести вес на вторую, упёртую в тарелку, и миска с грохотом перевернулась, накрыв фею сверху и прекратив тем самым не успевший разгореться спор.

Утихомирить фею после подобного фиаско не представлялось возможным. Вышибала восхищённо присвистнул, внимательно прислушиваясь к переливам ругани, извергающимся из крошечного ротика, и первым догадался, что безопаснее всё же подать госте пива.

– И если кто-то ещё, – ненадолго оторвалась толстушка от глиняного ободка, – решит усомниться, – ещё один смачный глоток, – в моей компе-те-те-тентности по данному вопросу... – фея рукавом вытерла пенные усы и отставила опустевшую кружку, – может лично бросить мне вызов!

Вот тогда-то всё и началось. Двоедушники азартны по своей природе, а что уж говорить про мужчин.

Первый кувшин Вики осушила, не прерываясь на комментарии. Сделала издевательский реверанс, загрызла одним из рассыпавшихся по столу сухариков, за рукав цапнула вышибалу, болеющего активнее прочих, и заставила наклониться:

– А т-т-ты мне нравишься, парниша! – томно и с лёгким налётом угрозы сообщила она. – Посмотрим, что сможем с этим сделать чуть позже.

Дальше дело пошло и того веселее, потому что подключились соперники. Ставки росли, монеты звякали, противники, и до прихода Вики успевшие изрядно подпить, валились на пол, как раненые рыцари. А малютка-фея всё поглощала и поглощала спиртное, объёмы которого вскоре превысили не только размеры желудка, но и размеры всей фейри целиком. Магия, не иначе!

– Пей, пей, пей! – наслаждались невиданным зрелищем оборотни, уже сейчас представляющие, как станут пересказывать историю (лишь слегка приукрашенную) приятелям.

Но кульминации не суждено было состояться. Потому что в этот знаменательный день трактир решила посетить ещё одна женщина.

Дверь она распахнула с ноги, от чего заслонка собачьего лаза шлёпнула по стене так звонко, словно кому-то отвесили подзатыльник.

Посетители мгновенно переключили интерес на новоприбывшую. И не только потому, что волосы девушки полыхали рыжиной, словно кленовые листья за окном, а вплетённые в них многочисленные перья, бусины и ленты шуршали и звякали при ходьбе, не потому, что левый глаз закрывала поистине пиратская повязка, а многоярусная юбка, отдалённо напоминающая традиционные наряды островных колдуний, взметнулась из-за ворвавшегося ветра, открывая стройные ножки до самого колена, но ещё и потому, что девушка сурово взывала прямо с порога:

– Ви-и-ик! Кусать тебя за левую пятку!

И фея, до того ощущавшая себя единовластной хозяйкой заведения, вдруг притихла.

– Упс... – пробормотала она, покосившись на окошко, за которым основательно сгустились ранние осенние сумерки. Тонкие полупрозрачные крылышки виновато поникли. Однако Вики была не из тех, кто сходу признаёт косяки, поэтому фея облокотилась о полупустой кувшин (пятый по счёту!), заодно тем самым скрыв тот факт, что стол норовил коварно убежать из-под её ног, и небрежно поинтересовалась: – Мириам, детка, разве леди пристало так шуметь? И что, собственно, случилось?

По-мужски уверенно и широко шагая, девушка пересекла зал.

– Что случилось?! – трагично спросила она. – Ты спрашиваешь меня, что случилось, Вик? Ты ещё меня спрашиваешь?!

– Кто разберёт их, баб этих, – шепнул вышибала трактирщику. – У неё ж по-человечески... Мол, что случилось? А та только скандалить!

– Тьфу, – согласился трактирщик, не отводя жадного взгляда от представления, – одно слово – бабы.

Тем не менее, разнимать обозлённых девиц не полез ни один.

– Дорогуша, кто-то должен был провести воспитательную беседу с мальчиками... – начала фея, но рыжая не собиралась выслушивать завуалированные оправдания.

Девушка молча оттопырила замаскированный юбкой карман. Вики покосилась на него и активно замотала головой:

– Неа.

– Да.

– Я туда не полезу.

– Ещё как полезешь, – прищурилась Мириам.

– Это унижительно!

– Угу, и в этом весь смысл, – не стала спорить рыжая.

– Я взрослая самостоятельная фея! Я вполне в состоянии...

– Упитья в хлам, забыть про работу и наплевать на время? – елевым голосом подсказала рыжая.

– Когда-нибудь, – понурих голову, фея поплелась к краю стола, – когда ты решишь, что опасность миновала, а обиды забыты, я выжду самый неподходящий момент... и обломаю тебе весь кайф.

Прежде чем трагично броситься вниз, она отсалютовала оборотням, наблюдающим за картиной с нахернувшимися на глаза слезами:

– И помните, парни! Запомните этот день и рассказывайте о нём внукам! День, когда вы пили с самой Вики-и-и-и-и!!! Не могла подождать, пока я речь закончу?!

Столкнувшая подругу в карман девушка запихала фею поглубже:

– Ты её ещё полночи читала бы. Можешь закончить по дороге.

– И нафига мне делать это без зрителей?! Ты не даёшь раскрыться моим актёрским талантам! Губишь во мне гения!

– Алкоголика я в тебе гублю. Не буянь, Вик, у нас хороший клиент сегодня. Оно того стоит.

Фея мгновенно высунулась из убежища и деловито поинтересовалась:

– Насколько хороший?

– Как минимум на новое платье, – хмыкнула Мириам, бессовестно играя на слабостях феи.

– Ладно. Рассказывай.

И Мириам рассказывала. Про страдающую вдовушку, отказывающуюся снимать траур вот уже второй год и всюду жалующуюся, как бессовестно и не вовремя покинул её любимый супруг, оставив в наследство всего-то имение, пару магазинов, плодородные поля с сытыми работниками, два сундука шелков и небольшую (большую!) денежную компенсацию за неудобства с похоронами. Про личную жизнь вдовушки известно немного, лишь то, что супругу она была верна, заглядывала в рот и убивать его намерений не имела, а стало быть, насильственную смерть исключаем.

К сожалению, путь от трактира до соседней улочки, где девушки и оставили своё передвижное жилище, занимал крайне мало времени, поэтому сообщить больше Мири не успела: кибитка, в которой прибыла госпожа в чёрном, уже стояла рядом с разукрашенной повозкой медиума, а флегматичный кучер слегка подрёмывал, почти не слушая неумолкаемый стрёкот хозяйки.

– Опоздали... – закусил губу Мириам, но тут же натянула на уши самую радужную из своих улыбок (с ощутимым оттенком скорби, разумеется, дабы та соответствовала случаю). Девушка замедлилась, пока её не заметили, и приблизилась с величавым достоинством, прикрывая пригоршней любопытно торчащую из складок юбки голову феи. – Вижу, вижу, какая трагедия привела вас ко мне, госпожа... Нонна? – мрачно-вопросительно протянула она.

Густая вуаль, закрывающая лицо вдовы, колыхнулась. Женщина втянула воздух, благодаря чему ткань обрисовала острый нос и выдающийся вперёд подбородок.

– Я знала, – восторженно прошептала госпожа Нонна, – знала, что это вы! Меня отговаривали, называли сумасшедшей, раз пустилась в столь дальний путь ради встречи с медиумом, но я уже чувствую, – вдова схватила ладони Мириам и притянула девушку с похвальной для своих возраста и статуса силой, – чувствую, что вы поможете мне!

– Разумеется, госпожа Нонна, – согласно закивала медиум. Я ощущаю вашу боль...

Воспользовавшись оказией, понятливая Вики расстегнула нарочно вшитую в карман застёжку, прошмыгнула по сорочке к сапогам и метнулась в фургон – готовить священнодейство.

А вдовушка, довольная, что нашла ещё одни девственные уши, вдохновенно вещала.

– Он покинул меня так внезапно! Так жестоко бросил одну в целом мире! Вы молоды, Мириам, молоды, несмотря на всю вашу славу и... способности. Вам не понять, каково это – проводить с возлюбленным каждый день, каждое мгновение, следовать за ним след в след, рассказывать о каждом событии дня...

– Вероятно, утомительно, – тактично предположила девушка, обеспокоенно зыркая на фургон, в котором что-то звякнуло и разбилось.

– Что вы, Мириам! Это прекрасно! У нас с супругом не было секретов: мы вместе завтракали... Он очень любил яйца, сваренные в мешочек, понимаете? Такие, чтобы белок са-а-а-амую чуточку прихватился, а желток...

– Да-да, я представляю.

– Ну вот. А я всегда предпочитала вкрутую. В полдень он любил выпить крепкого чаю, а мне слуги приносили...

Фургончик пыхнул дымом и покачнулся, невовремя привлекая внимание госпожи Нонны, но медиум, практически незаметно выругавшись, с силой развернула к себе лицо вдовушки и, многозначительно глядя на неё правым, свободным от повязки глазом, сообщила:

– Я чувствую вокруг вас сгустившийся дурман! Запах мокрой земли и прелых листьев!

Справедливости ради надо признать, что медиум не врал: унюхать прелые листья и сырую землю по осени можно было где угодно в деревне оборотней, не только возле безутешной вдовы. Но Мириам умела подать любой бред со столь многозначительным видом, что у клиента не оставалось ни малейших сомнений: именно это свидетельствует о наличии призрака.

Госпожа Нонна прикрыла рот угловатой ладонью, что в общем-то никак не сказалось на скорости генерируемой ею болтовни:

– Это ведь значит то, о чём я думаю? Я знала, что любимый не покинул меня, что наш брак сильнее смерти, что он обязательно подаст весточку...

– Тш-ш-ш-ш-ш!

Но прижатый к губам вдовы палец тоже не сумел прервать поток стенаний. Разве что они стали чуть менее внятными, потому что, не решаясь отстраниться от «специалиста», госпожа Нонна продолжила болтать лишь краем рта:

– Я усиди гывырилы, шты мы буым уэсте пусли шмерты!

– Сочувствую, – искренне вздохнула Мириам.

– Фто фы! Эфо феликое флаго!

Уточнить, что сочувствовала она не вдове, а почившему супругу, вынужденному день ото дня выслушивать доклады о каждом шаге супруги, Мири не успела – поднятый над деревянной крышей фургончика флажок сообщил о готовности Вики к работе.

– Пройдёмте, – недобро прищурила глаз медиум и приглашающе открыла перед клиенткой низенькую дверцу, о верхнюю перекладину которой сама неизменно шарахалась лбом. Шарахнулась и в этот раз, но успела вернуть лицу невозмутимое выражение прежде, чем вдовушка обернулась на стук.

Внутри фургончик был именно таким, каким ожидали увидеть его заказчики. Тесная тёмная комнатка обыкновенно была наполнена дымом благовоний так, что его можно резать ножом. На самом деле, Мири терпеть не могла этот запах и тщательно проветривала каждый вечер, отодвигая плотно прилегающие ставни на полозьях. Правда, в этот раз вонючие палочки едва-едва успели заняться, и дымок от них закручивался причудливыми узорами, схожими с бордовыми рисунками цветов на коврах, увешивающих стены, пол, а местами ещё и потолок. Кисти на занавесках, добавляющих ещё больше тени, таинственности и пыли, как многократно убеждалась хозяйка фургончика, едва заметно шевелились, словно кто-то перебирал их призрачными пальцами. А привязанные к ним колокольчики мерно покачивались, как если бы экипаж не стоял на месте, а неспешно колесил по дороге, но пока (только пока, хе-хе!) не звякали. Кровать в самом дальнем углу, застеленная тяжёлым пледом, напоминала припрятанный гроб (Мириам не только подтверждала слухи о его наличии, но ещё и сама их активно распространяла). Большую же часть комнаты занимал круглый стол с бархатной скатертью, прижимаемой хрустальным шаром (на самом деле, обычное стекло, куплен на бесценно у гномьего мастера из-за трещины, которую Мири просто всегда поворачивала на свою сторону).

Задним умом пожалев, что не успела переодеться соответственно случаю, медиум прикрыла приметные рыжие лохмы платком, по-бандитски завязав его узлом назад, и сурово воззрилась на вдовушку, выставив вперёд руку и словно бы ощупывая застывший между ними воздух.

– До чего очаровательное местечко! – не могла сдержать комментарии госпожа Нонна. – Уверена, призракам здесь очень уют...

– Тш-ш-ш-ш! – строго шикнула Мири.

– Конечно-конечно! Понимаю, насколько сложная у вас работа... Вероятно, необходимо прочувствовать тонкие материи? Знаете, моя матушка тоже была своего рода медиумом. Мы могли бы после побеседовать и с ней тоже?

– Тш! Ради четырёх святых, тш! – чуть более раздражённо и настойчиво повторила Мири, а стол вдруг издал смешок, плохо замаскированный под кашель.

– Вы слышали это?! – Вдовушка откинула вуаль, под которой обнаружилась румяная вытянутая мордочка, похожая на мышиную.

«Чтоб тебя, Вик!»

Мириам уже представляла, как выкручивает маленькой поганке всё её четыре стрекозиных крылышка, а во все стороны летит сверкающая пыльца, но госпожу Нонну оказалось не так легко пронять:

– Это он! – экзальтированно воскликнула вдовушка. – Я знала, он обязательно придёт! Милый, милый, ты слышишь? Хотя что это я... Конечно, слышит! Он всегда меня слышит! Всегда-всегда, ведь так, любимый? Знаешь, сегодня утром, когда Сини подавала завтрак... Ах да, ты же не знаешь Сини! Чудесная девчушка, чудесная! Я взяла её в прошлом месяце. Вот уж не думала, что девочка приживётся: первым делом она расколола нашу антикварную вазу. Ну ту, что дядюшка дарил на свадьбу. Кстати, насчёт дядюшки. Можешь себе представить? Он снова женился!..

Правая бровь Мириам поползла вверх. По ощущениям, медиум поймала её где-то на границе с волосами и усилием воли вернула на место. Заодно вспомнила про повязку и поспешила избавиться от последней.

Дальше случилось сразу несколько неожиданных вещей.

Во-первых, госпожа Нонна умолкла на целых три удара сердца.

– Так это правда?! – прошептала она на четвёртый и схватилась за грудь, но прежде, чем медиум восстановила в памяти правила первой помощи при приступе, выстрелила новой порцией восторгов: – Ну разумеется это правда! Что это я?! Моя троюродная сестрица знала старушку, внук которой дружил с деверем вашего клиента. И да, представьте себе, он упоминал про ваш золотой глаз!

Да-да, второй неожиданностью был именно он – глаз, который Мириам привыкла прятать под повязкой. Нет, конечно же, он не был золотым! Окажись он таковым, бойкая, но всё же лишённая военной сноровки девушка вряд ли смогла бы путешествовать без охраны так долго. Нашлись бы специалисты, возжелавшие отделить глаз от его владелицы и хорошо ещё, если бы голову при этом оставили на месте.

Нет, левый глаз был жёлтым. Цвета осенней листвы, пожалуй. Но рядом с правым, ярко-зелёным, он смотрелся столь чужеродно и странно, что куда проще было закрыть его.

Третьей же неожиданностью стал призрак. И нет, Мириам несколько не смутилась тем фактом, что увидела своим волшебным глазом рыжевато-светящегося мертвеца. В конце концов, око имело таковые свойства с самого её рождения. Медиума, скорее, удивило то, что почивший двумя руками сжимал горло госпожи Нонны и, как молитву, повторял:

– Заткнись, заткнись, заткнись, умоляю тебя, женщина!

– Гх, – прокашлялась медиум, не позволив себе выказать изумления, и приказала: – Присядем.

Госпожа Нонна призрака, ясное дело, не заметила. И не ощутила холодных пальцев, сжимающих её горло. Она опустилась на стул, не прекращая трещать, а супруг за её спиной принялся раздражённо ходить из угла в угол.

– И так постоянно, можете себе представить? День за днём, год за годом! Ля-ля-ля-ля-ля! Нет, решительно проще застрелиться!

Видимо, покойный предпочитал действовать, а не рассуждать, потому как из его лба торчало оперение арбалетного болта, тонко намекающее на причину смерти.

Прилагая немалые усилия, чтобы не пялиться на передразнивающего жену мертвеца, Мириам наклонилась над хрустальным шаром и загробным голосом протянула:

– Мы-ы-ы призываем сегодня в наш круг господина... э-э-м... – медиум пощёлкала пальцами, поторапливая клиентку с ответом.

Та тоже скрючилась и торопливо зашептала:

– Улиуса. Господина Улиуса. Имя досталось ему от дедушки, уважаемого человека! И, что самое интересное, матушка моего супруга... ах, покойного супруга, разумеется, узнала, что имя сыну уже выбрали, лишь на шестом месяце беременности! О-о-о, какой это был скандал! Она мечтала о чём-то возвышенном. Жак. Жерар. Фредерик, в конце концов! Но семья была непреклонна...

– А-а-а-а! – завопил призрак, пытаясь ввинтиться в потолок.

– Мы призываем господина Улиуса! – невозмутимо перебила Нонну медиум. – Если ты здесь, ответь нам!

Иногда Мириам выкладывалась на полную: верещала, каталась по полу, закатывала глаза (а это у неё выходило чудо как артистично!) и билась в конвульсиях... Иногда – но не в этот раз. Госпожу Нонну достаточно впечатлил и простой хрип с демонстративными судорогами.

– Подай нам знак, о бестелесный ду-у-у-ухе-е-хе-хе! – закашлялась на самой низкой ноте Мири.

Столь паршивая актёрская игра заставила господина Улиуса прекратить нытьё и переспросить:

– Серьёзно?! Знак?! Какой, интересно знать, я ещё должен подать вам знак, женщины?!

Однако запрошенные сигналы начали появляться и без его нерасторопного призрачного участия. Для начала звякнул колокольчик. Едва слышно, на пробу. Потом колыхнулись кисти на занавесках: по ним, как по струнам, прокатилась невидимая волна, от чего колокольчик зазвенел куда громче, почти истерично.

– Он здесь! О, святые, он здесь!

Госпожа Нонна вскочила и попыталась звучно высморкаться в бархатный край скатерти, едва не навернув всю сложносочинённую конструкцию, благодаря которой занавески приводились в движение. Мириам поспешно вцепилась в скатерть с другой стороны и рывкнула:

– Сядьте! Вы сбиваете вибрации!

«И аппаратуру мне ещё сбиваете», – мысленно добавила она. – «А если фею собьёте, и вовсе волосы повыдираю!»

– Конечно-конечно! Я, знаете ли, очень эмоциональна... Мне с детства говорили: Нонна, держи чувства под контролем! Но разве такое возмо...

Мотивы господина Улиуса становились всё более понятны. Однако, сеанс оплачивал не он, а клиент, как известно, всегда получает то, чего хочет.

– Улиус! – позвала медиум зловещим шёпотом. – У-у-у-улиус!

– Ну? – отозвался призрак.

– Ты здесь?

– Представьте себе, девушка!

– Если ты с нами, Улиус, стукни один раз!

Улиус стукнул. Себе по лбу, дабы донести, что затея так себе.

Но звук всё равно раздался. Казалось, он шёл и самого нутра стола... Впрочем, почему «казалось»? Вики терпеть не могла эту часть своей работы и многожды предлагала нанять для действия кого-нибудь менее принципиального, чем она. Мириам же советовала подруге поменьше налегать на пиво, так как увеличивающееся с каждым годом пузико феи грозило конфузом в ближайшем будущем: в потайном ящике было не так уж много места.

Госпожа Нонна заткнулась на полуслове. Ненадолго, разумеется. И тут же, в спонтанной попытке раскрыть обман, откинула край скатерти, заглядывая под стол. Но обнаружила там лишь собственные ноги в замшевых туфельках и пыльные сапоги медиума на высокой шнуровке.

– Какие-то проблемы, госпожа Нонна? – невозмутимо наклонилась в подстолье Мири.

– Нет-нет... Я... Серёжку уронила. Простите, госпожа медиум. Эти серёжки дороги мне как память, достались от бабушки, а той от...

Мири закатила глаза и села ровно, тактично подождала, пока клиентка примет подобающее положение, и продолжила:

– Господин Улиус, с вами желает поговорить ваша безутешная супруга!

Сообразив, что разговор, в принципе, может пройти и без него, призрак тоже занял место за столом.

– А то бы она не желала! Сколько её знаю, только поговорить и желает! Хоть бы раз пожелала заткнуться!

Слуха госпожи Нонны достиг лишь ещё один стук.

Натянув на ладонь рукав безразмерной вязаной кофты, Мириамдохнула на хрустальный шар и протёрла заляпанный участок, после чего сообщила:

– Он говорит, что безмерно рад слышать ваш чудесный голос!

– Что?! – обалдел господин Улиус.

– Пунь! – стуком подтвердила Вики... то есть, конечно же, призрак.

– Я тоже скучала, милый! Чувствовала, что ты всегда рядом, что слушаешь, что не покидаешь... – Вдова утопила рыдания в вуали, заменившей отсутствующий носовой платок. – Поведай же, любимый, как ты... там?

Мириам манерно коснулась лба кончиками пальцев, дабы под прикрытием ладони кинуть вопросительный взгляд на призрака. Тот беспомощно развёл руками:

– Лелеял надежду хоть немного побыть в тишине, но как видите!

– Кх... Ваш супруг безмерно страдает, – со вздохом доложила медиум. – Он тоскует по возможности прикоснуться к любимой супруге.

Предпринявший ещё одну попытку придушить безутешную вдову Улиус смущённо кашлянул и спрятал руки за спину.

– И я скучаю, любимый! – вдова развернулась в противоположную от супруга сторону и сладострастно облобызала воздух.

– Кх... – попыталась было исправить конфуз Мириам, но дух в ужасе замотал головой: нет, он вполне обойдётся и без этого неуместного проявления нежности.

Нонна между тем входила во вкус, переходя к поцелуям с языком, но не забывая комментировать происходящее:

– ...без твоих губ, милый... без твоих рук!

– Вас оставить наедине? – тактично поинтересовалась медиум.

– Да! – застонала Нонна.

– Нет! – в ужасе отшатнулся Улиус.

Раскрасневшаяся вдовушка избавилась от строгой шляпки и скинула чёрную шаль, под которой обнаружилось весьма внушительное (то есть, внушающее желание пособолезновать бедняжке) декольте.

Улиус заинтересованно придвинулся ближе к супруге.

– Что ещё хочет сообщить мне возлюбленный? Скажите, Мириам, не таите! Он видел свет? Собирается идти дальше? Есть ли у него там... другая? – закончила она подозрительно.

– Если бы... – мечтательно вздохнул призрак.

– Не-е-е-ет! – убедительно возмутилась за него Мири.

Получив желаемый ответ, госпожа Нонна утёрла острый носик, достала из крошечной сумочки на запястье пудреницу и тщательнейшим образом поправила макияж.

– Ну конечно же! Право слово, и что дёрнуло меня усомниться в нём? Улиус души во мне не чаял...

– Потому что у тебя её отродясь не было! – подтвердил муж.

– Обожал слушать мою болтовню...

– От неё и застрелился!

– Старался проводить со мной как можно больше времени...

– Да от тебя даже в загробном мире не спрятаться!

Слышавшая только «живую» половину диалога Вики невольно стукала по столу, давно потеряв нить беседы. Колокольчик звякал, ароматические палочки наполняли фургончик всё более густым дымом, Мири едва успевала отмахиваться от него.

– О, бестелесный дух, ответь же нам, простым смертным... – замогильным голосом тянула она.

Но госпожа Нонна, окончательно разомлевшая, расслабилась, откинулась на спинку стула и вела беседу, не реагируя на пугающие проявления потустороннего.

– Ещё Радди и Тина. Ну та, которая любовница господина Леонсия. Но не младшего, а старшего. Того, у которого ещё мать хватил удар. Им тоже обязательно передай весточку. Да-да, Тина тоже отправилась к святым на прошлой неделе. Подумать только! Такая молодая!

Мертвец и медиум обменялись понимающими взглядами.

– Ещё Ра-а-а-адди и Ти-и-и-ина, – покорно повторила Мириам фирменным медиумным голосом, передавая пожелания заказчика исполнителю. Сохранять при этом серьёзность становилось всё сложнее.

Стол не удержался и пьяно заржал.

Мириам икнула и замолчала, спешно просчитывая возможные варианты действия. Госпожа Нонна, медленно собирая скатерть шепотью, уточнила:

– Простите мою недоверчивость, дорогая, но мы точно говорим с моим Улиусом?

В гробовой тишине стол чихнул и пыхнул блёстками из-под драматично-алой скатерти, взмыл в воздух, закружился и с грохотом встал на место.

«Вырву крылья. По одному. Засушу и приколочу к крыше фургона», – промелькнула мысль в голове Мириам.

Вслух же медиум невозмутимо произнесла:

– О, бестелесный дух, вышедший с нами на контакт, прояви себя! Докажи свою сущность! Расскажи то, что может знать только твоя безутешная супруга! – И одними губами, специально для призрака, добавила «пожалуйста».

– Да неужели? Всё-таки без меня беседы не выйдет? – привидение величественно поднялось и встало позади супруги, легонько коснувшись её плеча. Госпожа Нонна поёжилась, но продолжила требовательно буравить Мириам маленькими тёмными глазками.

– Пунь? – вопросительно стукнуло подстолье.

«Ну конечно! Теперь она действует по плану!» – досадливо отметила Мири, только сильнее убеждаясь в необходимости посадить подругу на сухой паёк (в смысле, лишить пива как минимум на месяц).

– Дух? – с нажимом повторила она. – Ты желаешь сказать любимой что-то, чего никогда не говорил? О чём умалчивал из-за глупых обид и раздражения? Что-то, что объединяло вас при жизни и не даёт тебе покинуть её до сих пор, вынуждая незримо следовать за ней, злиться, что не можешь ещё раз прикоснуться... и слушать. Слушать день за днём, следить за каждым шагом, злиться и... всё равно слушать. Мечтать ответить и... не иметь такой возможности. Улиус, – Мириам выдохнула после горячего монолога и посмотрела прямо на Улиуса, заставив госпожу Нонну беспокойно завертеться, – что бы ты на самом деле хотел передать супруге?

Ехидная улыбочка сползла с лица привидения. Он посмотрел на затылок жены, на тугой пучок тронутых сединой волос, ещё раз. Иначе. Так, как, наверное, давненько не смотрел. Даже пока был жив.

Полупрозрачная рука поднялась и повторила контуры маленькой головы с аккуратной причёской, плеча, запястья... Мужчина встал сбоку от супруги, присел на корточки, заглядывая любимой в глаза, но та смотрела лишь на медиума – единственную ниточку, связывающую живых с мёртвыми.

– Утёс толстой утки, – проговорил Улиус с такой печалью, с какой можно только прощаться с любимыми.

– Утёс толстой утки... – непонимающе, но осторожно повторила Мири. Если эти слова значат для умершего так много, то и она передаст их с уважением.

Госпожа Нонна не могла выдать ни слова ещё очень долго. Прошло не меньше тридцати ударов сердца прежде, чем она, кружевным рукавом вытерев покотившиеся по щекам слёзы и безнадёжно запачкавшись пудрой, ответила:

– Я тоже помню, милый, – она пояснила спокойно, без наигранного восторга: – Он сделал мне предложение там. Не официальное, когда просят руки у родителей. Настоящее. Мне было восемь, ему – десять. Тот утёс и правда был похож на толстую утку, – она засмеялась, и Мириам показалось, что ненадолго смех перерос в рыдания. – Я безнадёжно трусила, а он сказал, что, если прыгну... если я прыгну в воду, он вырастет и женится на мне.

– И ты прыгнула, – призрак нежно коснулся капельки, повисшей на кончике носа вдовы.

- И я прыгнула! – шмыгнула она. – И знаешь что, любимый? Я бы прыгнула снова.
– Он знает, – тихо произнесла Мириам.

Когда госпожа Нонна, с лихвой расплатившись, устроилась в экипаже, Мири присела на порожек своего домишки, подогнув одну ногу. Она, в отличие от вдовы, вновь закрывшейся от мира вуалью, видела, как призрак недовольно поджимал губы, пока ждал, чтобы супруга поделилась впечатлениями с кучером, но всё же забрался в кибитку вслед за ней. За мгновение до того, как дверь захлопнулась, он повернулся к медиуму и прощально кивнул. Мириам кивнула в ответ.

– И почему он не сообразил просто жену убить? – удивились округлые ягодицы феи, пятящейся из фургона.

Викси тащила что-то тяжёлое, с немалым трудом протискиваясь мимо подруги в узком дверном проёме. И немудрено: фляжка, которую она волокла за кожаный ремешок, была ровнёшенько размером с саму толстушку, к тому же, такая же пузатенькая.

Мири дождалась, пока Вик устроится и, обхватив горлышко перекрещенными ногами, раскачает и вынет пробку, после чего вырвала флягу из маленьких ручек и выписала фее легонький щелбан по макушке.

– Эй! – Вик попыталась взлететь, затрепетала крылышками, но быстро признала, что дело гиблое, а худеть и правда надо.

– По той же причине, по которой он не ушёл дальше, а остался выслушивать раздражающую болтовню жены, – Мири понюхала фляжку, поморщилась и демонстративно вылила её содержимое под колёса фургона. Мечтательно закончила: – Любовь...

Обманка вторая

Про друзей, которые иной раз хуже врагов

Заваливаться в гости к оборотню среди ночи было бы опрометчиво, поэтому Мириам благоразумно дождалась рассвета. К полуночи, правда, благоразумие ретировалось: всё-таки осень входила во вкус, из-за чего маленький фургончик становился всё менее уютным, зато всё более сырым и прохладным.

Собственно, грядущие холода и стали причиной приезда медиума в селение двоедушников.

Она заглядывала сюда уже не раз и не два, но перерывы между побывками становились всё длиннее, а сама Мири – старше. Поэтому она совсем не была уверена, что и на этот раз её встретят с распростёртыми объятиями. Особенно после последнего случая...

– Кто не рискует, то не дёргает эльфов за уши, так, Вик?

Не растравливая душу последним убережённым теплом, Мириам откинула одеяло и опустила на пол ноги в шерстяных носках.

Фея сонно пробормотала что-то про молодых идиотов, шаря по подушке в поисках пропавшего пледа. Личное пространство Вики решительно не признавала (по крайней мере, чужое) и, несмотря на систематически разгорающийся скандал, всё равно спала вместе с подругой, спихивая ту с подушки. Ну, по крайней мере, в тех случаях, когда в принципе приходила ночевать домой.

Мири собралась было в тысячный раз напомнить фее, что у неё имеется собственная постель, но передумала. Утро обладало поистине волшебным свойством успокаивать даже самые расшатанные нервы, и вчерашний конфуз на сеансе уже не казался трагедией. Медиум закатила глаза и с головой накрыла Вики одеялом – округлый холмик довольно всхрапнул.

Девушка зашнуровала выдавшие виды сапоги, натянула безразмерную кофту поверх пёстрого платья и быстро-быстро пригладила рыжие лохмы. Чтобы расчесаться как следует, пришлось бы расплести ассиметричные косички, выпутывать перья, бусины и нитки, которыми, развлекаясь, украшала её причёску Вик, так что сию трудозатратную деятельность Мириам снова отложила до ближайшего похода в баню. Уже в третий раз.

Снаружи оказалось ещё холоднее, чем можно было предположить. Днём солнышко обманчиво припекало, высвечивая упрямо зеленеющие островки дикой травы у заборов, но холёные домашние цветочки под окнами уже печально поникли и готовились к неизбежной участи. Утром же, пока светило лениво потягивалось и определялось, укутаться ли тучами и вернуться досыпать или, так уж и быть, поработать небесным костром, в воздухе явственно ощущались колющие иголки заморозков.

– В себе подуй! – буркнули из-под одеяла в ответ на сквозняк от открытой двери.

Мириам поправила повязку на глазу, спрыгнула с верхней ступеньки на скрючившуюся от озноба землю, как можно громче хлопнула створкой и, довольная собой, двинулась к центральной площади. Фургончик они с Вики оставили недалеко от неё – через две улочки, мощёные отшлифованным временем камнем, так что идти, прижимая к ледяному носу колючий шерстяной рукав, пришлось недолго.

Что можно сказать про двоедушников? Пожалуй, то же, что и про любой диковатый народ: необщительные, грубоватые и неотёсанные, со странными привычками и ритуалами. «Такие же, как мы, только хуже», – уверенно заявляли эльфы. «Торгуются», – кратко и с оттенком уважения резюмировали гномы. «Двоедушников не существует! Их выдумали псевдоучёные!» – гаденько заржали бы тролли.

Мириам же не видела особых отличий двоедушников от людей.

Дома, пожалуй, потеснее, хоть и выше; топят зимой поменьше, обратная кровь же греет; спят обыкновенно не на кроватях, а на напольных лежаках. Последнее особенно удивляло приезжих. А что странного? Подростки, едва слившиеся со звериной ипостасью, по ночам обращались и падали с высоких перин, нередко калечась. Если же спишь сразу на полу, падать некуда. А там и традицией стало. В остальном же... оборотни как оборотни. Опасны? Да, пожалуй. Как и любое существо Предгорного государства. Если их разозлить или обидеть. Сама медиум, кстати, успела сделать то и другое, когда в последний раз побывала здесь.

Но, как успела убедиться шарлатанка на собственном опыте, мир склонен одаривать тебя тем, чего ты от него ждёшь. Так что, чем бояться, лучше насвистывать незамысловатую песенку и, кутаясь в рыжую вязаную кофту, шагать по улице и любоваться рассветными лучами, по осеннему усталыми, но всё такими же слепящими.

По пути она перехватила бутерброд в пока ещё закрытой лавке. Отпирающий её прыщавый мальчишка с едва пробивающимися усиками так смутился, когда с ним заговорила привлекательная незнакомка, что вспотел, несмотря на холод. Мири даже озябшие ладони об него погрела. Паренёк и не заметил, как его уболтали, заворожённо глаза на улыбчивую девушку и машинально нарезая колбасу. А бутерброд уже сложился сам собой.

– Вот как-то так мы и сбежали от охраны того купца. И только спустя неделю я узнала, что браслет и правда стащила Вик! «Он так переливался», – говорит. Ну что с ней делать, честное слово? – закончила медиум, прожевав.

– Н-н-ну да, верно, – промычал паренёк, – перелива-а-а-лся...

Мири дружелюбно хлопнула пацана по плечу и небрежно отняла второй, так и не надкушенный им, бутерброд:

– Папке привет. И лучше сразу скажи, что в лавке не к душе работать, а то потом и не заметишь, как пузо наешь, – тычок во впалый живот, – женишься и мелких настрогаешь. Ну бывай!

Мальчишка ещё долго стоял с открытым ртом, пялясь на удаляющуюся пружинящей походкой девушку. Она и сама, словно осеннее солнце, обряженное золотыми листьями, озаряла площадь, громко приветствуя встречных оборотней и разгоняя расплодившихся от отсутствия кошек голубей. Когда стало ясно, что рыжая направляется не куда-нибудь, а напрямик к дому шамана, окликать её было уже поздно. Что ж, такая не пропадёт. Даже если разбудит саму Ледну.

Мириам была того же мнения: не пропадёт. Подумаешь, рановато заявила! Между прочим, вставать с рассветом очень даже полезно, так что шаман ей ещё спасибо должен сказать. Тем более, что осенний рассвет ленивый, поздний. Да и не'чего! Эдак полжизни проспять можно!

Остановившись у высокого и узкого деревянного дома, похожего на сложенные конусом дрова, она, не утруждаясь стуком, дёрнула дверь на себя. Вопреки обыкновению, оказалось заперто. Мириам удивлённо задрала голову, сверяясь с картинкой из памяти. Нет, дом определённо тот самый. Видимо, просто у его владельцев появились новые привычки. Девушка пожалала плечами и постучала.

Не открывали до обидного долго. Словно меньше всего здесь ожидали увидеть медиума Мириам. Собственно, так оно и было: девушка не только никого не предупредила о побывке, она ещё и сама решила на неё каких-то два дня назад. Тогда, придержав Зверя в упряжке на перекрёстке, она вдруг свернула не на восток, к столице, где намеревалась зазимовать, а на запад. Да, дорога дольше, клиентов меньше (хотя госпожу Нонну, например, это не смутило – отправила к медиуму гонца с письмом, как только поползли слухи, что девушка вернулась в родные края, а там и сама явилась). О чём это мы? Ах да! Дорога дольше, клиентов меньше... Но...

– А почему, собственно, нет? – весело спросила сама у себя Мириам, направляя Зверя в сторону от указателя, по чуть заросшей лесной дороге.

Бряд ли кто-то выглядывал в окна. Однако, если бы некто это сделал, имел удовольствие наблюдать, как рыжая макушка, сначала нетерпеливо покачивающаяся из стороны в сторону, увеличивала амплитуду движения до тех пор, пока не начала носиться по площади, измеряя её ширину справа-налево, а после сравнивая с замерами слева-направо. Когда дверь, наконец, распахнулась, девушка заметила это не сразу, по инерции ещё раз крутанувшись вокруг ящика для пожертвований на высокой ножке.

Дверь, разумеется, распахнул не абы кто, а, по закону жанра, именно тот, кого так желала и так боялась встретить медиум. Нет, мужчина (а это был именно мужчина, хотя в последний раз она оставила его нескладным пареньком!), опёршийся плечом о дверной косяк, не выглядел опасным. Не слишком опасным, по крайней мере. Ну или не настолько опасным, чтобы развернуться и улепетнуть от него вот так сразу, не проронив ни слова.

Он привычным жестом, успокаиваясь, провёл ладонями вдоль двух коротко выстриженных полосок волос над ушами и закончил движение, поправив небрежную гульку на затылке. Застегнул жилетку с вышивкой в форме белоснежных конусов, направленных вниз, – отличительный знак, который позволялось носить лишь семье шамана.

Сивые, да ещё и выгоревшие на солнце почти до прозрачности брови, грозно сдвинулись, но произвели куда меньший эффект, чем могли бы, например, чёрные.

– Мириам, – глухо проговорил оборотень. Ох и внушительным стал его голос! Исчезли мальчишеская звонкость и беззаботность подростка. Много что исчезло с тех пор, как они виделись в последний раз.

– Ну, хоть память не отшибло, – вслух заметила Мири, весело щурясь против солнца, которое, если уж по-честному, не так уж ей и мешало. – Л'еши, – поприветствовала она в ответ.

Мужчина наклонился, чтобы не удариться о притолоку, а надо признать, наклониться пришлось изрядно, и вышел.

– Мириам, – холодно повторил он.

Медиум уперла руки в бока и встала напротив.

– Леши, – приняла правила игры и она.

– Мириам? – недоверчиво, укоризненно.

– Леши! – согласно, виновато.

Ветер встрепал её волосы, и вплетённые в них перья зашуршали, как птичьи крылья. Мужчина потянул носом раз, другой... и расплылся в улыбке, получившейся совсем не такой беззаботной, как в детстве, но всё ещё (ура!) узнаваемой.

– Мириам! – он раскрыл объятия и сделал медленный шаг.

Мириам была нетерпелива. Всегда была. Бралась за десяток дел разом, суежилась, роняла и разбивала всё, до чего дотягивались беспокойные руки, хваталась за что-то ещё и снова ломала. Больше, больше... Она хотела изучить этот мир весь целиком. Весь – и за один раз. Потому что кому, как не врождённому медиуму, известно, что другого случая уже не представится.

Не хватило ей терпения и теперь. Девушка взвизгнула и бегом бросилась к старому другу:

– Леши-и-и-и-и!

Она подпрыгнула, опираясь о с готовностью подставленные руки, и оплела его в поясе ногами, прижалась крепко-крепко, а оборотень, расхохотавшись, закрутился вокруг оси, придерживая девушку сцепленными ладонями под ягодицы, – только пёстрая юбка замелькала!

– Мириам, чтоб тебя! – двоедушник остановился, но выпускать подругу из объятий не спешил, лишь отклонился назад, чтобы как следует рассмотреть и рыжие лохматые волосы, и неизменную повязку, перечёркивающую лицо. – Где тебя носило, одноглазая?!

Медиум, покрывала щетинистые (щетинистые, ого!) щёки поцелуями и с трудом оторвалась от этого увлекательного занятия:

– То тут, то там. Ты же знаешь! – легкомысленно хмыкнула она, всё ещё не до конца веря, что убивать её не будут. Не сразу, по крайней мере.

– Нет, чтоб тебя, не знаю! – Леши обиженно разжал руки, и подруга неуклюже сползла. Безразмерная вязаная кофта соскользнула с плеча, из-за чего оборотень едва не окосел. Демонстративно рассматривая ящик с пожертвованиями, он поправил девушке рукав и обиженно буркнул: – Хоть бы весточку какую отправила, ну в самом деле!

– И верно, – Мири так открыто улыбалась и так покорно принимала обвинения, что друг, как ни старался, а разозлиться не мог. – Как мне не стыдно?! – подтвердила она.

– Ой, да несколько тебе не стыдно! – Леши расплылся в широкой открытой улыбке: уж кому как не ему знать, что грустные мысли в голове у этой девушки держатся не лучше, чем мука в сите. – Иди сюда, одноглазая!

Он притянул её к себе, запустил пальцы в волосы, заставив задрать голову.

– Какой ты стал высокий! Пунь! – и, подруга, напрочь уничтожив романтику момента, нажала ему на нос.

– А ты как была малявкой, так и осталась зато! – сгорбился оборотень.

– Ой-ой, нашёлся, чем хвастать... Дядюшка Шило!

Так же легко, как и к парню, Мириам бросилась к сморщенному старичку, выглянувшему затворить всё ещё распахнутую дверь.

– Девка непоседливая, ты?! – слепо прищурился он, с готовностью обнимая гостью в ответ. – Сколько ж его годков прошло? Пять? Семь?

Мири только отмахнулась:

– Да кто их считает! Ты-то всё так же хорош, как и раньше!

– Ай! Кости уже старые, того и гляди рассыпятся! – и, едва отпустив девчонку, с прытью пожившего, но не отяжелевшего волка подскочил к Леши и сцапал его за ухо костлявыми пальцами: – Тебе чаго было сказано, младшо'й?! Не пущать! Никого!

Вынужденный скрючиться в три погибели оборотень легко мог бы вырваться, но не понаслышке знал, как крепка хватка у деда Шило, поэтому оставить ухо в стариковских пальцах не рискнул:

– Но это же Мири, дед! Свои! Уймись ты!

– А ты мне, щ-щ-щенок, не тыкай! Пасть покамест не почернела мне тыкать! Неслух малолетний!

– Ай-ай-ай! Деда! Ухо пусти, ухо! Да что ты, ну в самом деле? Какой я щенок, мужик уже взрослый!

– Так его, деда Шило, так! Мы, молодёжь, должны старших уважать! – посмеивалась Мириам. Её собственные уши тоже не единожды сводили близкое знакомство со своимравным стариком, но за детские проказы, на которых их с Леши ловили, по-хорошему можно было и розг дать. Шило же их жалел: оттакает, а потом повинится и пряников принесёт. Кто, как не он, защищал их перед Ледной? Вот она строга непомерно! Старая шаманка ни разу не спустила внуку проделок, наказывая ничуть не меньше, а то ещё и больше, чем чужих детей.

– Куды?! Стой, куды, кому говорить?!

– Деда, ну не позорь меня!

Ох, как же Мири этого не хватало! Она любила путешествия. Любила бесконечные дороги, треск костра, брюзжание Вики и урчание Зверя под боком, уставшего за день волочь фургон. Но как же ей этого не хватало! Грозного, но заботливого до сумасшествия старичка, кругами улепётывающего от него Леши, пытающегося сохранить достойный вид, но, как и прежде, вызывающего дружный хохот торговцев, лениво стекающихся к площади. Поэтому она

приехала сюда ещё раз, хоть и не была уверена, что друг обрадуется. Дом нужен всем. Хотя бы для того, чтобы раз за разом с блаженным вздохом «ну наконец-то!» из него уезжать.

Деда Шило, придерживая поясницу, ковылял ещё в дюжине шагов, а Леши, ничуть не запыхавшийся, вернулся к дверям, сжал запястье Мириам и затащил в дом.

– Куды?! Я вам сейчас! – страдал их старик, но Леши без зазрения совести захлопнул дверь.

– А что? В его возрасте свежий воздух знаешь, как полезен! – Брякнул щеколдой он.

И теперь-то стало ясно, почему не велели пускать чужаков. «Суета» – это, пожалуй, не совсем подходящее слово. Вот «паника» – уже ближе к реальности. Оборотни, кои сегодня все разом решили навестить Ледну, носились по узкому коридору, сталкиваясь и звеня огромными металлическими блюдами на треножниках, наполненными горючей смесью, рычали друг на друга, но пререкаться не рисковали, торопясь нырнуть в зал инициации – округлую комнату с высокой крышей прямо по центру здания. А Мири ещё опасалась, что перебудит жильцов!

– Что тут у вас? – любопытно вытянула шею она, но Леши дёрнул подругу на себя, заставив прижаться к стене, пропуская пару двоедушников, волочащих с кухни деревянный стол.

– Младший, чтоб тебя! – привычно огрызнулся тот, что пятился спиной.

– Вечно под ногами путаешься! – поддакнул второй.

– А огниво! Огниво-то забыли! – За ними семенила женщина с сильно выдающимся вперёд животом. – Леши, малыш, чего застыл? Толку с тебя, что с гнома скидки!

Оборотень покраснел так сильно, что коротко выстриженные возле его ушей полоски светлых волос приобрели пурпурный подтон.

– Бабуля того... развлекается, – запинаясь, пояснил он. – Давай-ка сюда!

Мириам покорно позволила увлечь себя вдоль стены и направо, за поворот коридора. В ту же сторону спешили и остальные оборотни, но Леши остановился чуть раньше, распахнул дверцу кладовки, выглядящей рядом с высоченными дверьми главного зала мышинным лазом, и впихнул подругу внутрь. Сам же присоединился десятью ударами сердца позже, отобрав у кого-то мимопробегающего треножник. Захлопнул дверцу – и комнатка ненадолго погрузилась в непроглядную темноту.

Шурхнуло огниво, в металлическом блюде вспыхнуло пламя, а тесное помещение облизал неровный рыжий свет. Он выхватил низкую дверь, увешанную порванной паутиной, как занавеской, какие-то тюки, гнездо из приготовленных для торговли шкурок и самого Леши: слишком высокого для здешнего потолка, смущённого, неловкого и немного растерянного.

– Это что же... та самая кладовка?

Мири не сразу её узнала. Шесть лет назад здесь хранили кухонные припасы, занимающие почти всё место, по периметру друг на дружке стояли бочонки, а к потолку привешивали вяленое мясо. Но видимо, несмотря на все ухищрения, склад оказался слишком тёплым для продуктов, и постепенно превратился в обычную кладовую. Но всё же это было именно оно! Убежище, где они прятались от гнева Ледны, где обсуждали планы на прекрасное будущее, уничтожая залежи продуктов.

– А ты думала! – оборотень с разбегу (было бы, где разбежаться!) плюхнулся в гнездо из шкурок, приглашающе похлопал по местечку поблизости: – Чего стоишь?

С готовностью растянувшись рядом, Мири повернулась на бок, подперев голову ладонью. В свете огня всё казалось неправильным, не таким, как раньше. Подбородок Леши, который она рассматривала снизу-вверх, был угловатым, да ещё и темнел от щетины, словно назло волосам росшей почти чёрной; глаза смотрели слишком по-взрослому, а их опущенные вниз уголки заставляли ощущать себя преступницей, бросившей друга в беде, а не девчонкой, продолжившей запланированный путь; и руки – здоровенные, с огромными мозолистыми ладонями. Медиум оставила его нескладным пацаном, а дождался её мужчину.

Она села, перекутив ноги узлом, коснулась щеки оборотня.

– Слушай... – Наверное, она всё же ждала ссоры. Было бы проще кричать в ответ, а не искать слова для извинений. – Прости.

Дальше полагалось бы идти оправданиям, но у неё их не было. Она хотела поехать дальше – и поехала. Не позвав с собой смешного долговязого мальчишку, с которым они были неразлучны целый год. А до того ещё три. И в первый приезд – целых четыре, когда Мириам сбежала из дома и просто не знала, куда податься.

Леши наклонился вперёд, они почти соприкасались лбами, но невидимая завеса холода, выросшая между ними несмотря на тёплую встречу, никуда не делась.

Оборотень приподнял края рта, но на улыбку это никак не тянуло.

– За что? – шёпотом поинтересовался он.

– За... – медиум запнулась. Она ничего не обещала тому долговязому мальчишке. Лишь поддакивала, когда он фантазировал о том, как они начнут путешествовать, теперь уже вдвоём. Она кивала, но ни разу ничего ему не пообещала. О святые, тогда почему же так стыдно?! – За то, что не писала...

– Та-а-а-ак, – протянул оборотень, по-свойски положив ладонь на её обнажившееся колено. – Ещё?

– За то, что уехала, не попрощавшись.

Рука поползла вверх и Мири беспокойно дёрнула ногой, сгоняя её, как назойливую муху.

– За то что не осталась на твою инициацию.

За это и правда было стыдно. Леши боялся слияния со второй душой, как никто, а Мири, вместо того, чтобы держать за руку в самый, может быть, страшный для него момент жизни, сбежала, даже не пожелав удачи.

– Думай, одноглазая, думай, – подсказал оборотень, придвинувшись ещё немножко.

И тогда Мириам правда начала думать. Но совсем не о том, о чём следовало. Не о том, что она плохой друг и врушка, не о том, что принявшим её в семью двоедушникам наверняка было ужасно обидно, что девчонка уехала ни с того ни с сего. Она думала о том, что превратившийся в мужчину мальчишка тяжело и жарко дышит в губы, сильно прижимаясь к её лбу, что его пальцы сжимают бедро с силой, которой раньше она за Леши не замечала, что кожа на его ладонях шершавая и жёсткая и что она явно чего-то в их отношениях недопоняла.

– Леши, ты что... – задохнулась от возмущения она, но договорить не успела.

Поцелуй последовал сразу, быстрее, чем Мири успела глотнуть воздуха, был напористым, крепким и уверенным: на него ответят. Оборотень не сомневался, что для того она и вернулась, не колебался в решениях и... не собирался останавливаться!

– М! М! М! – требовательно забилась девушка, но Леши уже обхватил её и второй рукой, прижимая к себе, медленно, но верно заваливая на спину.

– Я тоже скучал... – шептал он в её губы, норовящие вывернуться из поцелуя. – Ненормальная, чокнутая девчонка! Как же я скучал!

– М! Лем-м-м-му! М! Леш, дай мне сказать!

Жар от светильника становился невыносим, заполнял собой тесную кладовку, раскалял звериные шкуры и ладони, опалял кожу, проникал в лёгкие, распирая их, грозя взорвать грудь изнутри. Повязка сползла с глаза, открывая взору сокрытое от смертных: рыжие пятна теней проступали сквозь стены, любопытно спускались к возящейся парочке, по большой дуге обходили огонь в металлической чаше.

В мгновение, когда спина Мири коснулась обжигающе горячего меха, а сверху навалился и тут же снова жадно припал к её рту оборотень, она осознала, что меньше всего происходящее похоже на шутку. Вышедшее из-под контроля недоразумение – возможно. Но никак не шутка.

Ладонь нырнула в разрез юбки, а губы переместились к шее.

– Леш, отвали, фу! – рывкнула медиум, воспользовавшись передышкой, и, отбросив опасения повредить другу что-нибудь ценное, пнула его высвободившейся ногой.

Золотой глаз вспыхнул в темноте, а рыжие тени все разом метнулись к нему, как к единственному во всём мире спасительному источнику света... И от этого удар получился совсем не таким, каким ожидала медиум. Словно управляемые ею тени повторили движение рук и толкнули оборотня в грудь. Нет, это не был самый мощный удар из всех виденных, но его вполне хватило, чтобы хрупкая девушка не просто освободилась, но и толкнула двоедушника так мощно, что тот откатился в сторону и сшиб треножник вместе со светильником.

Наверное, кто-то, кто знал оборотня хуже, на этом предпочёл бы знакомство и закончить: выбежать из кладовки, покинуть дом, а лучше и город. Но Мири, как-никак, провела с ним достаточно лет, поэтому тут же перешла в наступление:

– Ты что творишь, плешивая твоя морда?! Думаешь, я сделала крюк на две сотни вёрст и припёрлась только чтобы с тобой тут пообжиматься?!

Потерев ушибленный бок, Леши хрустнул шеей и обезоруживающе развёл руками:

– Нет, ну так-то я именно это и подумал. Виноват, неправильно истолковал сигналы!

– Да не было никаких сигналов!

– Это ты так думаешь. – Как ни в чём не бывало он поправил гульку на затылке. – Ну что, значит, теперь нам обоим есть, за что извиняться. Считай, что квиты. Кстати, – он потянул носом воздух, – а чем пахнет?

Не отводя взгляда от чего-то за спиной друга, Мири медленно стащила кофту и прежде, чем оборотень успел поинтересоваться, не передумала ли она, сообщила:

– Неприятностями...

Леши сшиб треножник с горючей смесью.

Леши сшиб треножник с горючей смесью...

Леши сшиб треножник с горючей смесью!

И, как бы сильно Мириам не хлестала кофтой по разрастающемуся пожару, его уже было не остановить.

Дым заполнил кладовку едва ли не быстрее, чем вспыхнули политые горючим шкуры. Нос щипало, глаза, казалось, собираются вытечь из глазниц, но, сколько бы слёз из них не выжал едкий смрад, потушить огонь не хватило бы.

– Вниз!!!

Не рискуя остаться без натянутого крепкой рукой подола платья, а если по-честному, то не слишком соображая, что вообще происходит, Мири последовала приказу. Так они и выползли: грязные, потемневшие от копоти и углей, рыдающие в три ручья. А огонь, выедавая из кладовки остатки корма, облизывал стены и валил из щелей.

Повезло лишь в одном: живущие преимущественно в деревянных домах двоедушники умели быстро и без паники (в отличие от Мириам) тушить пожары, а в соседнем зале народу было предостаточно. По цепочке передавая воду, песок и ругань, они быстро справились с пламенем, успевшим лишь уничтожить кладовую и подкоптить соседние помещения.

Но старуха, величаво вышедшая к парочке, не была похожа на того, кто собирается радоваться.

Мириам и Леши стояли перед ней, понунив головы, а перешёптывающиеся вокруг оборотни наперебой предлагали варианты, что бы такого страшного сделать с двумя идиотами.

Что ж, если медиум вернулась в родные края, чтобы снова почувствовать себя ребёнком, у неё это отлично получилось!

– Здравствуй, бабуля Ледна... – пролепетала она.

Обманка третья

Про неприятные разговоры

Старуха была страшна в гневе. Оно и понятно: шаманке, связывающей мир духов с миром живым, и полагается быть грозной. И Ледна освоила эту науку в совершенстве.

Хотя нет, было бы нечестно выставить её чудовищем. Потому что сначала шаманка коротко мотнула головой, приказывая следовать за ней, и в трепетном молчании провела нарушителей спокойствия в свою комнату. Потом, притворив дверь, избавилась от ритуального мехового жилета, передающегося по наследству и наверняка шитого на мужчину: вдвое шире нужного, тяжёлого, доходящего почти до колена и мешающего двигаться; бережно устроила его на лежаке (из-за старой задубевшей кожи жилет так и остался стоять колом), после чего вернулась и сердечно обняла нежданную гостью.

Мири нырнула в эти объятия как в пуховую перину: тёплая мягкая старушка ощущалась, да и сама походила на подошедшее тесто. Невысокая, в отличие от внука, стоптавшаяся за годы, такая же сивая и, несмотря на почтенный возраст, без единого седого волоса!

Она отстранилась, блаженно вздохнула, заправила растрёпанные косички Мири за уши и спросила:

– Как ты, детка, хорошо? Случилось что?

– И я тоже в порядке, ба! – завистливо вставил Леши. Ледна только отмахнулась, мол, и так вижу, что не сдох.

– Такая взрослая, такая красивая! Небось замуж уже выскочила?

Мири залилась смехом, накрывая ладонями маленькие морщинистые руки, чтобы подольше насладиться их сухим теплом:

– Куда мне! Разве кто выдержит такую жену? А вот ты могла бы ещё одного муженька взять: такая статная женщина, кто бы устоял?

– Скажешь тоже! – зарделась шаманка. На бесцветном старушечьем лице вспыхнул почти молодой румянец. – А вот ты мог бы и сказать! – Пихнула она внука локтем и посетовала: – От *этого* доброго слова не дождёшься. Ну что ж, детка, раз у тебя всё хорошо, приступим.

Напоследок она ещё раз обняла Мири и... понеслась.

Шаманка каталась по комнате как подгоревший колобок, передержанный в печи. Кричала так, что дрожали не только провинившиеся, но и подслушивающие в коридоре, да и стены тоже дрожали, что уж.

– Чуть не уничтожили дом!.. Подумать о ком-то, кроме себя!.. ... малолетние!.. Наше наследие!.. Займёшь моё место, а сам...

Эти речи как Мириам, так и Леши слышали не впервые. Не однажды в наказание они отмывали очаг, разгружали подвалы и выскребали закоптившиеся светильники (на одном до сих пор красовались выцарапанные инициалы друзей), а количество перечисленной ими за годы картошки уже давно превысило все необходимые продовольственные нужды. Так что Мири, придав, разумеется, лицу скорбное выражение, скучающе рассматривала стены, хранившие память ещё о родителях родителей старухи; выцветшее полотно с вышивкой, изображающей охоту; уютный лежак под ним, где так и тянуло свернуться клубком; кресло-качалку с отшлифованными перилами и воткнутыми в клубок серых ниток спицами; сундук, по необходимости служивший и столом, с парой оплывших свечей и медвежьей шкуру на полу, выглядящую куда более новой, чем всё остальное убранство. Почему-то медиум не сомневалась, что эту добычу не внук принёс Ледне и не кто-то ещё из подопечных оборотней. Нет, шаманка посчитала бы ниже своего достоинства держать в покоях напоминание о нагрывавшей старости.

– А медведя ты сама забила? – ляпнула девушка.

Старуха взвыла, челюсть её отчётливо вытянулась, а зубы побелели и выглянули меж губ:

– Да я сейчас и тебя забью! Ты слушаешь меня или нет?

– Внемлю и каюсь! – поспешно встала Мириам. – Думаю о своём поведении и без меры жалею, что плохо влияю на твоего внука!

– Эй, это я на тебя плохо влияю! – запротестовал оборотень.

Мири и Ледна переглянулись и хе-хекнули: все прекрасно понимали, что некогда болезненный тощий мальчишка так и остался бы пугливым недоделком, кабы приبلудившаяся девчонка не втягивала его в новые и новые авантюры, чтобы выпутаться из которых, приходилось мужать.

– А ты бы и вовсе не лез! Учишь его учишь, а как был младшим недокормышем...

Леши вспыхнул до кончиков ушей и даже чуть дальше. Подруга отодвинулась, так от него вдруг повеяло огнём.

– Младшим! – в попытке успокоиться он провёл ладонями по плешивым полоскам над ушами, сильно сжимая голову. – Младшим?! Вот именно – младшим! Рядом с мудрой бабкой я – вечный младший недокормыш! Ты даже представить не можешь, каково быть вечно младшим! Вечно несмыслёным, вечно ребёнком! Как родителей не стало, так я, кажется, для тебя расти и перестал!

Мириам удивлённо присвистнула: сколько себя помнила, Леши не предавал значения брани старой шаманки. Позлится – и успокоится. А тут ровно с цепи сорвался! Да не вопил, как ребёнок, брызгая слюной и истеря, нет. Оборотень говорил ровно и уверенно. Хоть и на повышенных тонах, а не кричал, брал силой голоса. Вот уж правда – вырос.

То и дело косясь на подругу, он наступал на обалдевшую шаманку, оттесняя её к креслу-качалке:

– Ты вечно за мной присматривать не сможешь! Я взрослею, ба, взрослею! И раз за разом повторяю тебе, что шамана из меня не выйдет! Я не займу твоё место не потому, что не достоин, а потому что не хочу! Да, мы с Мири провинились, да, мне стыдно! И да, можешь отправить меня в сотый раз ловить белок или выделывать шкуры! Но прекрати отчитывать, как неразумного ребёнка!

Не ожидавшая такого сопротивления старуха дотянулась до кресла и, оступившись, плюхнулась в него. Но это какую-нибудь другую бабку мог бы обидеть разошедшийся внучок. Ледна же горячих юнцов выволакивала во двор за шкурку по дюжине на день: всем известно, что едва прошедшие инициацию двоедушники вспыльчивы, как искры на сухом мхе. Недоумение шаманки длилось недолго. Вытащив из-под седалища мешающий клубок со спицами, она откинулась на спинку и, оттолкнувшись носками от пола, качнулась.

– Посмотрите-ка на него! Не нравится ему, что бабуля его оберегает! Холью перекормили, заботой душат! Помяни моё слово, бабушка не вечна! Придёт час, займёшь моё место, хочешь того или нет!

Оборотень прикрыл глаза, будто это могло избавить его от разбирательств. Открыл, но старуха никуда не делась, так и продолжала раскачиваться в кресле, не замечая, что с каждым разом отталкивается от пола всё сильнее и рискует кувыркнуться назад. Леши тяжело вздохнул, взял подругу за руку, поднёс её к губам:

– Подожди снаружи, ладно? – попросил он и, не дожидаясь ответа, вытолкнул Мири за дверь.

Любопытные двоедушники едва успели отскочить в сторону, но сделать вид, что проходили мимо покоев Ледны случайно, – уже нет. Женщина с сильно выдающимся вперёд животом засеменила по коридору дальше, будто не прижималась только что к двери ухом, плюгавый мужичок принялся ковырять петли, приговаривая, что что-то они поскрипывают, а третий, оборотень с подбитым глазом, зашаркал ножкой, изучая потолок с необычайным вниманием.

– Просто небольшое недопонимание в семье, – невинно пояснила им Мириам.

Она с достоинством разгладила юбку, внешний вид которой пожар ничуть не улучшил, и отправилась на небольшой экскурс по дому, дабы не смущать подслушивающих. Её никто не окликнул: рыжая девчонка стала своей в доску ещё в тот раз, когда, растрёпанной и чумазой, заявила в селение впервые. Это был не дебютный побег несносной десятилетки от родителей, но тот самый, после которого она уже не вернулась, ограничиваясь редкими письмами с обещанием не помереть до весны.

Мири не запрещалось бродить нигде, причём по большей части не из-за того, что двоедушники не держали от медиума секретов, а из-за того, что прятать их всё равно было бесполезно. Посему ленивая прогулка быстро привела девушку к залу инициации. Интересно, что же такое там творилось, что сбежалось не меньше десятка зрителей? Обычно на инициацию пускают только близких родственников, чтобы не смущать юного оборотня, вынужденного стоять обнажённым посреди комнаты и ждать, пока откроется потусторонний мир, а через отверстие в конусовидной крыше спустится тот, кто больше всего схож с ним по духу. В роду Ледны это были волки. За редким исключением. Одним из таких исключений как раз и стал друг Мириам, хотя все ждали, что мальчишка превратится в могучего клыкастого зверя...

Что ж, клыки у него и правда имелись. Но медиум пока не знала, какого толка, ведь она пропустила событие, важное для двоедушников едва ли не больше, чем рождение. Уехала, не оглянувшись и поддавшись на заверения Вики, что компания им не нужна. Шесть лет Мириам убеждала себя, что поступила правильно. Что мальчишка должен пройти через ритуал, необходимый для любого в семье, что сбежать вместе с ним на закате перед тем самым днём – глупость.

Леши настаивал. И она уехала одна, пообещав себе вернуться через несколько недель, как только друг поймёт, что случившееся к лучшему. Но недели затянулись на годы, и теперь девушка смотрела на пустой зал с деревянным столом, стоящим ровно под отверстием в крыше, на погасшие остывающие светильники, а видела лишь голого растерянного и неуклюжего подростка, ожидающего, что вот-вот в дверь войдёт его подруга. А вокруг сновали невидимые тени, лишённые тел, холодные и потерянные...

Мириам часто заморгала, прогоняя наваждение. В полумраке зала без окон всё казалось неприятным сном, который давно пора бы забыть. Но наваждение не исчезло. Тени всё так же скользили над полом, шаря в поисках света, но не находя его. Медиум коснулась скулы. Ну конечно! Повязка осталась в кладовой, а золотой глаз исправно показывал то, что большую часть времени девушка видеть не желала.

– Странно... – пробормотала она, не в силах оторваться от зрелища.

С точки зрения медиума, инициация у двоедушников проходила не слишком-то сложно. Шаман открывал потусторонний мир, впуская к живым духов. Обратней, разумеется, интересовали лишь призраки животных, одному из которых предстояло выбрать себе человека. Однако, пока дверь не заперта, грех в неё не шмыгнуть. Поэтому, пока обряд не завершён, а пламя горит, зал инициации заполнялся невидимыми тенями. Им предстояло вновь скрыться за завесой по завершении инициации, однако эти конкретные призраки были иного мнения. Живые давно покинули помещение, а вот мёртвые, невидимые никому, кроме Мири, продолжали слепо бродить.

Почему церемония прошла не так, как полагалось?

– Ну кто бы сомневался! – Медиум хлопнула себя по лбу.

Видимо, Мириам накосячила куда сильнее, чем думала старая Ледна. Во время кладовочной потасовки с Леши, которая всё ещё заставляла Мири слегка краснеть, повязка слетела. Призраки почуяли это и всей толпой ринулись в соседнее помещение (а у кладовой и зала инициации общая, ныне почерневшая от копоти стена), разорвав оковы ритуала в клочья. И теперь обряд сорван, духи не желают убираться восвояси, а на столе в центре комнаты, накры-

тое тканью, наверняка лежит бездыханное тело неудачливого оборотня. Хотя нет, вряд ли бы его бросили свои. Может, попросту усыпили, чтобы не волновался без меры, да и оставили ввиду последних событий... Убедительно?

Нет, не очень.

– Мне не стоит этого делать, – сама себе сказала Мириам и двинулась вперёд.

Честное слово, она не собиралась вмешиваться в церемонии двоедушников! Она всего лишь видит призраков, не шаманит и уж точно не разбирается в том, как соединить душу и тело.

Но любопытство, как известно, не порок, а образ жизни, поэтому Мириам, кусая губы в раздумьях (ох, да чего тут думать? Даже сама Мири знала, что сделает это!), остановилась возле стола.

Под тканью отчётливо просматривался силуэт, причём, судя по некоторым деталям, мужской.

– Что ж, приоткроем только верхнюю половину. Са-а-а-амую чу-у-у-уточку...

– А по рукам? – равнодушно поинтересовался хриловатый голос откуда-то сбоку.

О край стола, скрестив руки на груди, опирался мужчина. Или, если быть точнее, призрак мужчины. Не будучи уверенной, что на призраков вообще можно так заглядываться, медиум отметила поджарую худощавость, свойственную эльфам, узкие плотно сомкнутые губы, мягкие даже на вид волосы, по-военному прямую выправку и жилы, выступающие на предплечьях под подкатанными рукавами рубашки. И только после этого, вспомнив, чем обычно чревато подобное внимание к мертвецам, отвернулась.

– Так-так-так, ну-ка погоди!

Внимание не осталось незамеченным мертвецом.

– Да ну ё-о-о-о-лки! – протянула Мири, поняв, что попалась.

Призрак заявил тоном, не терпящим возражений:

– Ты меня видишь.

– Ась? Что? Ничего не вижу, ничего не слышу. Ветер, что ли, свистит?

Девушка прикинулась слепо-глухо-немой (ладно, с немотой она провалилась сразу) и поспешила скрыться.

Мужчина неслышно догнал беглянку и вырос прямо перед ней, испытующе буравя тёмными диковатыми глазами.

– Да неужели?

– Представь себе! – нагло заявила медиум и прошла мертвеца насквозь.

Тот издал звук, похожий на рык:

– Ну уж нет!

И попытался схватить её за волосы, сквозь которые, разумеется, беспрепятственно прошли прозрачные пальцы.

– Угу, хорошая попытка, – осклабилась Мири и продолжила путь как ни в чём не бывало. – Не хочу расстраивать, приятель, но ты – труп!

– Ну-ка повтори?

– Труп. Мертвец. Сдох. Ласты склеил. Испустил последний дух. Окочурился, – с готовностью перечислила девушка. – Ты умер, друг мой. И да, я тебя вижу, но, во-первых, тебе это никак не поможет, а во-вторых, я бесплатно не работаю.

Он снова оказался впереди и наклонился к ней близко-близко, завораживая внимательным взглядом. Мири почти почувствовала, как его волосы, отпущенные до самых плеч, щекокнули ей шею. Да нет, бред какой-то! Уж что-что, а прикосновение призрака противоречит всем правилам, усвоенным ею за годы.

– Ты мне поможешь, – безапелляционно заявил незнакомец.

– Да-да! – Мириам уперла руки в бёдра. – И ты заставишь меня это сделать... Ах да! Ты никак не заставишь меня это сделать. Ну всё, бывай.

И осторожно по дуге обошла духа. Позёрство позёрством, но ссориться с, пусть и мёртвым, но характерным мужиком ей не хотелось.

– Вот же поганая ведьма!

Этого Мириам допустить не могла.

– Эй! – Она развернулась на каблуках. – Эй, смотри на меня, когда я с тобой разговариваю! – Задрала голову, чтобы уничижительно пощуриться в глаза обидчику, и ничуть не потеряла в настрое из-за разницы в росте. – Ты видишь у меня бородавки? Э? Может жабу на плече? Метлу? Нет? Тогда заруби на своём непристойно идеальном носу: я тебе не ведьма! Я ме-ди-ум!

Призрак приподнял бровь и любопытно склонил голову на бок:

– На идеальном носу, значит?

Мири бессильно взлохматила себе волосы, став похожей на ведьму больше прежнего:

– И это всё, что ты уловил? Ме-ди-ум! Медиум, прозрачная твоя за...

– Угу, значит, её ты тоже успела оценить. Оч-ч-чень интересно, – вновь сложил руки на груди мужчина и вопросительно дёрнул подбородком. – Что ещё?

– Ещё возмутительное самодовольство и уверенность, которая ни к чему мертвецам, – отрезала Мириам, но, не удержавшись, всё-таки подняла палец к кончику носа призрака и пробормотала: – Нет, правда! Таких ровных у людей не бывает! Не иначе мама твоя с эльфом загуляла...

– Справедливое замечание, – помрачнел он.

Девушка победоносно щёлкнула пальцами:

– Так и знала! Так что нечего тут гипнотизировать меня этим своим... – в поисках нужного слова она нарисовала ладонью круг перед небрежно расстёгнутой на груди рубашкой, – всем, – наконец нашлась девушка.

Мерзавец ехидно поиграл бровями, но комментировать последнее не стал.

– Просто скажи ведьме... старухе... кто она там? – раздражённо бросил он, – чтобы вернула всё, как было.

– О-о-о, твоё счастье, что Ледна этого не слышала! Назови ты её ведьмой в лицо, она бы не посмотрела, что ты уже труп! Достала бы с того света, собственно, она уже это сделала, и выдрала бы твой крепкий зад так, что неделю бы не сел!

Мужчина развёл руками:

– А говорят, только мужчины теряют рассудок при виде женских ягодич. Повернуться спиной, чтобы ты перестала за неё заглядывать? Это я могу, – и он правда предоставил Мири великолепный обзор на накачанный зад и длинные ноги в штанах для верховой езды. – Наслаждайся, ведьма. Так вот, мне нужно, чтобы ты передала старухе следующее...

Дослушивать Мириам не стала, несмотря на то, что видок и правда интриговал. Она закатила глаза и пошла к выходу.

Наверное, будь призрак осязаемым, этот приём был бы весьма хорош, а увернуться или вырваться Мириам точно не смогла бы. Но в силу своей призрачной природы мужчина не смог ни заломить ей руку, ни поставить подножку. Зато зубами заскрипел так, что их крепости оставалось только позавидовать.

– Слушай, друг, – медиум ногтем поскребла подпалину на юбке, но та никуда не делась, – мне правда очень жаль и всё такое, но ты сдох. Смирись. Ты бестелесный призрак и можешь только раздражать меня, не больше. А к этому, поверь, у меня многолетний иммунитет. Поэтому помолись четырём святым, что ли. Или составь список тех, кому будешь являться ночами. Я не знаю. Займись тем, чем там обычно занимаются призраки, а меня оставь в покое! Я вижу вас, но я не умею вас оживлять! И не стану передавать весточку твоей возлюбленной

жене или подружке или дружку и не буду рассказывать, как бы ты хотел ещё разок слепить с ней кувшин на гончарном круге, ясно? Меня уже пытались за это сдать стражникам и упечь в монастырь для душевнобольных. Дважды!

– В последнем не сомневаюсь, – холодно кивнул мужчина. – А теперь послушай меня, ведьма. Я не умер и умирать не собираюсь. Твоя поганая старуха...

– Эй-эй!

– Твоя уважаемая поганая старуха сделала что-то, из-за чего я оказался, – он рванул воротник рубашки, намекая, что нечто в его настоящем положении мужчину не устраивает. – И я хочу, чтобы она как можно скорее... Нет, я хочу, чтобы она немедленно вернула меня обратно. И мне плевать, как она собирается это сделать. И мне плевать, что ты – упрямая дура, которая не умеет слушать. Вам обоим лучше бы поторопиться, потому что в противном случае...

– Тс-с-с-с! – прижать пальцем неосязаемые губы Мири не смогла бы, так что призрак замолчал, скорее, от неожиданности. – «Я не мёртв, мне этот труп подкинули». Плавали – знаем. Если ты живой, вперёд! – она махнула на накрытое простынёй тело. – Вселяйся и двигай отсюда!

– Оно не моё.

– А чьё же?

Призрак молча наотмашь хлестнул девушку по щеке.

– Эй! – та отшатнулась, хотя, конечно же, ничего не почувствовала. – А, поняла. Ты не можешь снять накрывающую его ткань и не знаешь, чьё оно.

Призрак дважды саркастично хлопнул ладонями, рукоплеща догадливости. Мири вернула шпильку книксеном.

– На рассвете я находился на островах. И предпочёл бы вернуться обратно, а не флиртовать с рыжей ведьмой в этом сарае.

Мири открыла рот... а потом закрыла его. Нет, обыкновенно за словом она в карман не лезла. Просто на языке вертелось такое количество возможных ответов, достойных, чтобы отплатить нахалу за «сарай», что выбрать один не представлялось возможным. Открыла снова... и прикрыла ладонью, не уверенная, что подготовленная ругань достаточно точно выражает суть её чувств. Обозвать сараем чудесный, гостеприимный, замечательный дом двоедушников, где она провела самые счастливые детские годы! Это додуматься надо!

Когда Мири отняла ладонь ото рта, возле него осталось чёрное пятнышко сажи. Это пятнышко взметнулось вверх вместе с уголками губ – девушка наконец нашла идеально подходящие ситуации слова.

– А не пошёл бы ты? – вежливо предложила она и схватилась за ручку двери.

– Так ты поможешь мне?

– Я похожа на человека, который собирается тебе помогать? – удивилась Мири. – Прости, пожалуйста, это случайно! К тому же, – и здесь она была более чем искренна, – к Ледне сейчас не полезет и отчаявшийся самоубийца. Я – точно нет.

– Предлагаешь мне подождать, пока на старуху снизойдёт благостное настроение?!

Вообще-то именно так двоедушники и делали испокон веков, но мертвецу местным правилам ещё учиться и учиться.

Призрак попытался прихлопнуть дверь, но рука прошла доски насквозь. Мири посмотрела на торчащую кисть с одной стороны, на предплечье с другой, в задумчивости покусала щёку и, просяив, доложила:

– Думается, ты не подохнешь подождать. Ну, – она выдержала положенную паузу, – больше того, что есть, по крайней мере.

Тонкие губы мужчины вытянулись напряжённой струной. Он прошёл дверь насквозь, оказавшись перед Мириам, наклонился к её уху, обдав прохладой, и прошептал:

– Ты в самом деле надеешься от меня так просто избавиться?

А вот тут у медиума имелся козырь!

– Ну как тебе сказать...

Она подмигнула призраку золотым глазом. Ну как «подмигнула»? Прикрыла. Мертвец исчез. И вместе с ним шатающиеся по залу инициации тени и дурное настроение Мириам.

– Да, надеюсь, – победоносно закончила девушка и, насвистывая под нос легкомысленную песенку, вышла.

Обманка четвёртая

Про идиллию

Трёпка затягивалась. Уже и солнце давно выполнило норму по производству тепла и снова плюхнулось в сырую перину туч, а Леша всё не появлялся.

Мири быстро наскучило ожидание, как быстро наскучивало вообще всё в этом мире, и, справедливо рассудив, что оборотень в родном городе её и сам найдёт, она отправилась предаваться воспоминаниям. Вчера неожиданная клиентка превратила законный выходной в рабочий день, но вот сегодня...

– Сегодня больше никаких призраков! – злорадно пробормотала медиум, оторвала от многострадальной юбки кусок и перевязала левый глаз. – Даже если они будут бросаться под ноги!

Теперь платье создавало впечатление, что девушка не только побывала на костре, но и с боем прорывалась через окружающую его толпу.

– Ладно-ладно, сначала переоденусь. Да и Вики там одна-одинёшенька... Скучает. Одна. Совсем одна. Вики. Вики! Ё-о-о-олки! – ужаснулась Мири, осознав мысль.

Вики там одна! Святые знают, что она могла учудить за утро, пока отсутствовала чуть более ответственная половина их компании!

На бег Мириам всё-таки не сорвалась, хотя очень хотелось. Фургончик был дорог ей не только как память, но и как рабочий инструмент и какой-никакой дом, так что потерять его из-за похмелья мстительной феи не хотелось.

Поэтому мощёную камнем улочку она проскочила на предельных скоростях, а двух волков, застрявших на повороте в попытке заволочь во двор кабанью тушу, и вовсе перепрыгнула. Тот, что покрупнее, покрутил когтем у виска, но Мири и не заметила. Она уже видела карминный фургон, оставленный под плакущей ивой, крыша которого недвусмысленно совершала возвратно-поступательные движения.

«Хорошо ещё, что Зверя в лесу оставила», – подумала медиум. Уж этот игрунок не преминул бы открыть охоту на внезапно оживившийся транспорт.

Не успела девушка натянуть на лицо строгое выражение и постучать, дабы дать тем, кто внутри, мгновение на моральную подготовку, как дверь распахнулась сама. Из неё кубарем выкатился здоровенный мужик со спутавшейся бородой, а ему вслед просвистела скомканная тряпка, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся штанами. Мужик, ошалело косясь на фургон, подобрал портки и, пытаясь на ходу попасть ногами в нужные отверстия, поскакал в сторону таверны.

Ну конечно! Вот почему бородатая физиономия показалась знакомой: вышибала «Блохастого бока» сразу приглянулся фее и та на следующий день продолжила знакомство, так невежливо прерванное с вечера подругой.

Как говорится, вспомнишь дриаду – и бабы не надо: вышеупомянутая Вики показалась в проёме почти сразу. Она, в отличие от вышибалы, растрёпана не была. Разве что коротенькое откровенное платье демонстрировало её внушительный, если считать относительно остальных размеров, зад, не менее внушительный перёд и бедро в разрезе чуть сильнее обычного. Фея проводила мужика томным взглядом, приложила к горлышку не иначе как им же притащенной бутылки и презрительно заявила:

– А разговоров, разговоров-то было! Эй, парниша! – Она игриво помахала крошечной ладошкой оборотню, перекинувшемуся в волка от пережитого стресса. – Заходи, как справишься!

– Не думаю, что он оправится, – прикинула Мириам, вырвала у подруги бутылку и, с трудом воздержавшись от того, чтобы самой глотнуть для смелости, залезла в кибитку. – В целом, не так уж и плохо... – осторожно заметила она.

После предыдущего возлюбленного Вики им пришлось менять внутри обшивку, заделывать дыру в потолке, а занавески и вовсе сжечь. В этот раз парочка ограничилась разбитой посудой, крошечным кружевным бюстгальтером на гадальном шаре и покрасневшими от стыда картинками на картах.

– Обижа-а-а-аешь! – Вики старательно расправила крылышки, взлетела, хлопая ими чуть чаще, чем стоило бы барышне её размеров, посплывала палец и стёрла пятно сажи на щеке Мириам, после чего невинно закончила: – Мы кровать сломали.

– Опять?!

– Ну почему же опять? В прошлый раз только дно провалилось, а в этот – ножки. Три из четырёх! – с оттенком гордости уточнила фея. – И лучше не спрашивай, как именно мы это сделали.

– Упаси святые! – от всего сердца пообещала Мири.

Стараясь не наступить на что-нибудь особо противное, она распахнула дверцы видавшего виды шкафа, разгребла потрёпанные книжки, склянки неизвестного происхождения, осторожно переставила с места на место коробочку с недособранной коллекцией эльфийских пахучих масел, выудила из-под всего этого безобразия юбку с мятой рубашкой.

– Вик!

– А?

Не оборачиваясь, Мири задрала вверх руку с находкой:

– Мужская или женская?

– А что, есть разница?

Фея целомудренно опустила ресницы. Она как раз обнаружила на столе кружевной предмет туалета и торопливо затолкала его под подставку.

– Если она не моя, то да!

– По крайней мере, точно не моя, – Вик устроилась на шаре, как на табуреточке, и бережно выправляла вмятинки на крыльях. – Размерчик мимо.

– Может быть это кого-то из твоих...

– Возлюбленных? – с предельной вежливостью предположила фея.

– Одного из твоих многочисленных возлюбленных, – покорно повторила Мири.

– Может быть, – согласилась Вик. – Что ты пыхтишь? Нет, ну что ты так злобно пыхтишь? Я всё равно не помню, чья она, да и вряд ли владелец ждёт, пока мы вернём его имущество.

Путём обнюхивания убедившись, что, если рубашка и не женская, то, по крайней мере, относительно чистая, медиум смирилась и, стащила через голову убитое платье.

– Да, пожалуй, видок ничего. Продолжай, – незамедлительно донёсся до её ушей хриловатый мужской голос. Призрак полулежал на столе, подогнув под себя одну ногу, и оценивал представшую его взору картину. – Не так чтобы обо всём на свете забыть, но отвлечься сойдёт.

– Да ну ё-о-о-олки! – медиум дёрнулась вернуть на место съехавшую повязку, но передумала: она, конечно, мертвеца видеть перестанет, но он от этого никуда не денется.

Вместо того, чтобы визжать и суетиться, пытаясь скорее натянуть что-нибудь поверх тонкой сорочки, она уперла руки в бока и поинтересовалась:

– У тебя других дел нет?

– А? – удивилась Вики.

– Да я не тебе!

– А-а-а, – понимающе протянула подруга. – Снова глюки... В смысле, призраки.

Мертвец сложил губы трубочкой, как бы раздумывая, и доложил:

– Нет, пожалуй, что нету. И мне понравилась идея раздражать тебя до тех пор, пока не сделаешь, что мне нужно. Я ею воспользуюсь.

– Напугал орка красным перцем! Я просто прикрою глаз, – Мири выполнила угрозу, – и ты пропадёшь.

Постояв так ещё несколько ударов сердца, она отняла руку от лица и поинтересовалась у снова проявившегося призрака:

– Понял?

– Разумеется. Ты прикроешь глаз, – мужчина похабно подмигнул, – и я исчезну. – Спрыгнул со стола, расслабленно приблизился и коснулся тонкой рыжей косички у виска девушки, наблюдая, как она проскальзывает сквозь пальцы. – Но мы оба знаем, что я всё равно буду рядом, – чувственно шепнул он, – всюду следовать за тобой, наблюдать за непристойностями, что ты делаешь...

– Я не делаю никаких непристойностей! – вспыхнула Мири.

– Разве? – приподнял бровь призрак.

– Зря! – прокомментировала Вик. – Многое теряешь.

Ощувив, что краска заливает не только лицо, но и плечи, и грудь, Мириам поспешно натянула рубашку, действительно оказавшуюся мужской. Пришлось подкатать рукава по размеру этого дотошного мертвеца и заправить в юбку полы, доходящие до середины бёдер.

– А малявка понимает, о чём говорит, – сообщил призрак, возвращаясь к столу и присаживаясь на корточки перед феей, которая его, разумеется, не видела.

Медиум пробормотала:

– Угу, тебе и не снилось.

Она затягивала тесёмки клетчатой юбки, когда стена фургончика проскрежетала и отчётливо заскулила.

– Ну кого там ещё принесло?! – на ходу накидывая узкий кожаный жилет, Мири распахнула дверь и... запнулась.

Потому что перед входом сидел огромный сивый пёс с плешивыми полосками у ушей, похожими на заживший лишай. Нет, Мириам не боялась животных вообще и собак в частности. Просто встретить пса в селении оборотней-волков было так же странно, как эльфийку, волокущую вёдра с водой, в человеческой деревне.

– Эй! – Она наклонилась и протянула псу руку. – Ты чей, малыш?

«Малыш» был втрое крупнее среднестатистической собаки и с лёгкостью мог бы подмять, а то и загрызть хрупкую девушку вроде той, что сюсюкала с ним. Однако пёс завилял хвостом и с готовностью подставил голову.

– Хороший мальчик! – удивлённо потрепала его за ухом девушка.

– Кинь ему кость какую и займись более важными вещами, – влез призрак. – У тебя тут человек мёртвый в фургоне, ничего?

– Ну так уже мёртвый же, – беспечно отозвалась медиум, – был бы ты живым, проблем было бы больше.

– У-у? – удивился пёс, но долго фиксироваться на том, что девушка говорит сама с собой, не захотел. Вместо этого он оттолкнулся от мостовой и выпрыгнул внутрь, завалив при этом Мириам на спину и смачно лизнув её в лицо.

– Эй-эй! – Она рассмеялась, но отпихивать добродушную псину не стала, наоборот, с готовностью прочесала пальцами мохнатую грудь, шею, погладила по ушам, осторожно тронула плешивые полоски и неуверенно спросила: – Леши?

Пёс завилял хвостом сильнее, как будто планировал взмыть на его ускорении в небеса.

– А. А. А-а. – Что-то более внятное она из себя не выдавила.

Леши не зря боялся инициации. И не просто так его, здоровенного широкоплечего мужика, шпыняли свои же, называя младшим и считая недоделанным волчонком. Он и был

недоделанным волчонком: единственный в своём роде и роду оборотень-пёс. Позор для старой волчицы Ледны, не иначе!

Оборотень виновато заскулил, отпустил девушку и зубами стащил с кровати мягое покрывало.

– Я бы на твоём месте его сначала простирнула, – посоветовала Вики, стряхивающая с крыльев излишки пылицы. Переливающиеся радугой блёстки кружились в воздухе и медленно оседали на бархатную скатерть, углы которой после этого взлетали, как перья.

– Что? – отвлеклась на неё Мири.

– Нет-нет, ничего. Говорю, псиной сейчас всё провоняет.

А когда Мириам снова повернулась к собаке, на её месте, чуть наклонив голову, чтобы не биться макушкой о потолок, стоял Леши, замотанный в покрывало.

– Ну, в общем и целом... Как-то так, – смущённо подвёл итог он.

Меньше всех ступала привикшая к виду полуголых мужчин Вики. Она взлетела, оттолкнувшись от стеклянного шара, тут же покотившегося по столу – Мири едва успела поймать его у самого края.

– Леши! Плешивая твоя морда! Вы посмотрите на него!

Фея уселась на его плечо, оценила высоту, на которой оказалась и заставила оборотня покрутить лицо из стороны в сторону, чтобы получше рассмотреть.

– Сама на себя взгляни! – Леши ссадил толстушку на ладонь, удерживая без видимого труда. – Да ты же... Ты же...

– Прекрасна и соблазнительна? – кокетливо изогнулась в талии она.

Леши хохотнул:

– А то как же! – И перевёл взгляд на Мириам, с облегчением вздохнув: – Еле вынюхал твой след! Думал, ты того... Ну...

– Снова сбежала? – подсказала Мири.

– Ну, собственно, да. Мы можем поговорить?

– Нет, – ответил за неё призрак. – У девушки есть неотложные дела, так что герой-любовник подождёт.

Но кроме медиума его, разумеется, никто не услышал.

– Конечно! – Мири ухватила друга под локоть. – Только давай снаружи, а то здесь становится... – она красноречиво зыркнула в сторону духа, – тесновато.

Вики опять заняла стратегически выгодную позицию на плече Леши, придерживаясь за гульку на его голове, чтобы не пропустить ничего интересного.

– Я с вами! – заявила она как данность.

Оборотни относились к наготы как животные. То есть, не замечали особой разницы между её наличием и отсутствием. Поэтому Леши, обернувшись бёдра пледом и перекинувший его край через плечо, никого не удивлял. Друзья беспрепятственно бродили по улочкам, вспоминая, как носились по ним же детьми, перекусывали сливами, приторно желтеющими над заборами, стучали в двери и с хохотом убегали, распугивали обнаглевших птиц, прикормленных одинокими сердобольными старушками. Казалось, прогулка может длиться бесконечно, и только солнце, кренившееся к закату, напоминало о том, что так не бывает.

Леши ловко цапнул с чьей-то клумбы ярко-жёлтый георгин, игнорирующий приближающиеся заморозки, и заложил за ухо Мири.

– А мне?! – тут же возмутилась Вики.

Мириам вырвала из бутона лепесток и украсила им причёску подруги. Колючий ёжик волос феи при этом встопорщился ещё более дерзко, чем обычно.

Они устроились на чьём-то дровнике на окраине селения. Древесные стволы неустойчиво держались друг на дружке, скреплённые лишь парой тонких бечёвок, вниз убегал небольшой овражек, по дну которого струился почти ушедший под землю родник, а на другой его стороне

начинался лес, тянувшийся до самых гор – гномьих владений. Макушки клёнов и берёз, и без того окрашенные осенью, поливал медовым сиропом закат. Отсыревшие брёвна, на которых, как на насесте, сидели друзья, казались по-летнему тёплыми от этого рыжего света.

Леши потянулся, задрав мускулистые руки, и, неловко косясь на девушку, опустил правую ей на талию.

– Это он типа незаметно сделал? – едко хмыкнул призрак, скукожившийся с другой стороны от Мириам. Подтянувший колени к подбородку, он походил на нахохлившегося ворона и единственный не получал удовольствия от вида. Ещё бы! Призраки не ощущают дуновения ветра, не жмурятся от последних солнечных лучей, уже не греющих, но всё ещё обнадёживающих. Они только нудят и вставляют саркастичные комментарии.

– Ой, иди ты! – поморщилась медиум, а двоедушник, неправильно истолковав, покраснел и отдернул руку. – Да не ты иди! Да ну вас! – Мири устроила голову на плече друга и блаженно вздохнула: – Всё-таки я скучала.

– Я т-тоже по тебе скучал, – заикаясь, пробормотал оборотень.

Девушка не стала смущать его ещё больше и уточнять, что говорила о городе. В конце концов, по Леши она тоже скучала. Только, наверное, не так, как он по ней.

Зато Вики, супер-силой которой была бестактность, неловкости не заметила, схватила за волосы одного и второго и потребовала:

– А теперь поцелуй!

– Как скажешь, Вик! – Мири звонко чмокнула подругу, а Леши повторил манёвр всего на мгновение позже.

– И да, насчёт этого... – Двоедушник пытался казаться беззаботным, но уши его сияли чуть ярче солнца, а грели так ещё и намного сильнее. – Ты... Слыш, одноглазая? Ты же не подумала чего?

– М-м-м? – промурлыкала девушка, засмотревшаяся на закат.

– Ну... Что я того... Ты не подумай...

– Святые, да этот болван разродится наконец или нет?! – не выдержал призрак.

– Трупам слова не давали, – отмахнулась от него медиум. – Прости, Леш, что ты там говорил?

– Да я ничего... Я...

– Ну?! – фея тоже потеряла терпение и пихнула его в затылок, но из-за разницы в габаритах оборотень и не дернулся.

Он сильно сжал кулаки, как делал в моменты испуга, будучи ребёнком, и выпалил:

– Ты не думай, что я что-то там имел в виду! Я просто так целоваться полез, от неожиданности! – Краснота сошла с его ушей так же быстро, как и появилась, спина выпрямилась, плечи расправились... ну мужик мужиком, а вовсе не растерянный подросток, каким был мгновение назад. Леши нахально широко улыбнулся и закончил: – Так что, если ты что-то там себе надумала, одноглазая, ты не думай! Это я так.

– О, святые! – призрак и фея одновременно едва не пробили себе лбы ладонями. Причём, у Вики было «едва», а вот призраку это удалось.

Мириам же беззаботно отозвалась:

– А, я так и подумала. Забудь, Леш.

– Угу, – хмуро кивнул он, – уже забыл...

Оборотень повеселел и откинулся назад, от чего наваленные брёвна опасно провернулись.

– Ну так какие планы? Какими судьбами вообще в наших краях?

– А почему бы и нет? – вздернула острое плечо Мири. – Проезжала мимо, захотела встретиться со старым другом. И очень рада, что он тоже не прочь увидиться со мной.

– Не прочь... – задумчиво повторил про себя Леши.

– Дегенераты, – прокомментировал призрак.

– Умолкни!

– А? – расширил глаза двоедушник.

– Это у неё глюки, – фея заботливо пригладила растрёпанную косичку медиума.

– Это у неё призрак, – попыталась оправдаться Мири.

Но и тут мертвец не смолчал, предположив:

– Или это она чокнутая?

– И ничего я не чокнутая! – возмущённо гаркнула медиум на пустое место.

Оборотень и фея, переглянувшись, активно закивали.

– Конечно, не чокнутая! Ты просто... своеобразная.

– Двинутая! – подсказала более ёмкое словечко Вик.

– М-м-м! Какая поддержка! – восхитился призрак. – Хорошо, что у меня нет таких замечательных друзей!

– Да у тебя вообще никаких друзей нет, – отрезала Мириам и решительно встала. – Нет, так продолжаться не может. Хорош ржать, вы! Ещё издеваются... Леш, мне нужна Ледна. Иначе, чувствую, этот поганый дух от меня не отвяжется.

– Точно не отвяжется, – самодовольно подтвердил поганый дух.

Медиум со вздохом повторила:

– Точно не отвяжется.

Ну, хоть в чём-то они были согласны.

Возвращаться к старой шаманке после утреннего проступка не хотелось ни Мириам, ни, тем более, едва вырвавшегося из дома Леша. Но за день медиум успела убедиться, что, если таковая необходимость имеется, призрак может доконать кого угодно. И тут уж прикрывай золотой глаз, не прикрывай золотой глаз, а нервы всё равно на пределе: сидит же, поганец, рядом, тянет узкие губы в ехидной усмешке, гадости говорит, пусть их и не слышно... Нет уж, если это Ледна не завершила ритуал правильно и не отправила всех мертвецов в загробный мир на ПМЖ, то пусть она с ними и разбирается!

К тому моменту, как друзья вернулись на главную площадь, Мириам настолько убедила себя, что нисколько не виновата в произошедшем и вообще она жертва, что сама Ледна опешила бы от её уверенности! Но это был не тот случай, когда всё идёт по плану...

Час был не слишком поздний, но селение подозрительно пустовало. Обычно полное жизни, шумное, оно словно вымерло. Редкие окна горели огоньками, так что полная луна в обрамлении туч казалась золотым глазом, манящим, но пугающим.

– Сегодня же полнолуние! – сообразила Мири. – Все на охоте? Наверняка и сама Ледна ушла в лес.

Сосредоточенный невесть на чём Леша не сразу понял, что обращаются к нему, а потом отрицательно качнул головой:

– Ей нездоровилось. Не собиралась.

Он делался всё тише, а двигался всё напряжённее, пока, оказавшись перед узким и высоким деревянным домом, не выставил руку, задержав Мири.

– Чем-то пахнет.

Нос двоедушника шевелился, как у собаки, а глаза стали совсем звериные: и не скажешь, что не волчьи.

– Чем-то?

– Эфо не я! – Вики чавкнула, дожёвывающая сливу размером с собственную голову.

– Кем-то, – поправился Леша.

– Тю! Знаешь, сколько народу тут ходит? – присвистнула фея и метко запустила косточкой в ящик для пожертвований.

Оборотень упрямо нахмурился:

– Своих я знаю. Все на охоте. А следы свежие. Пахнет кем-то чужим.

Мириам обескураженно занюхнула рукав своей рубашки, но особых ароматов не заметила.

Оседлавшая шею оборотня Вики вытерла ладони о платье, ухватила за его уши, как за поводья и проговорила:

– Чё-т мне это не нравится, ребята...

А когда Леша толкнул дверь и та, срезанная с петель, с грохотом рухнула вовнутрь, взвизгнула и натянула «поводья» так, что едва не оторвала их от черепа.

– Вики! – одёрнула Мири.

– Что?! Я женщина нежная и пугливая!

– Зато теперь тот, кто внутри, нас точно услышал, – поджал губы призрак. – Но ничего, будет на три призрака больше.

– Ты же утверждал, что ты не призрак.

– Я – нет. Но я же не сказал, что их станет четверо. Просто «на три больше», – философски пожал плечами он.

– Подожди снаружи, – велел оборотень и, крадучись, нырнул в темноту.

– Ага, шаз! – отозвалась девушка. Выждала для приличия несколько ударов сердца и двинулась следом.

Призраку идея не пришлась по вкусу.

– Так, стоп! Ведьма! Ты же не собираешься на самом деле идти внутрь?

Девушка опешила:

– Конечно собираюсь! Туда же Леша идёт!

– Ну а ты не ходи, делов-то?

– Как это?

– Смотри: разворачиваешься и... шагаешь в противоположную сторону. Потом твоего приятеля убивают, ты дожидаясь, пока всё стихнет, находишь старую ведьму...

– Шутки у вас, сударь... – лоб Мири перечеркнула морщинка.

– Шутки? Я не умею шутить, ведьма. Ты единственная моя связь с реальным миром, так что, будь добра, не подохни... Да что с этой бабой не так?! Стой!

Призраку пришлось догонять медиума, чтобы не упустить её из виду в тёмном коридоре.

Без освещения видел только оборотень, Мириам же натыкалась то на остывший светильник, то на вазу, то на нечто мягкое, валяющееся на полу, наверное, шкуру.

– Леш? Леш, ты где? – звала она, но не слишком громко, чтобы, не дай святые, на зов не явился кто-нибудь лишний.

Как на зло, оборотень не откликнулся. Не откликалась и Вик, бурчание которой до того служило путеводной звездой, поэтому девушке, выставив вперёд руки, пришлось пробираться вслепую.

Шаг, шаг, шаг, ещё шаг... Что-то мелкое рассыпано – потеряла равновесие и едва не упала. Шаг, ещё шаг... Казалось, дыхание настолько громкое, что его слышно с противоположного конца коридора. Наступив во что-то липкое, девушка брезгливо зашипела, поскользнулась, но удержалась на ногах благодаря тому, что из неоткуда появилась рука и ухватила её за грудки.

– Фух, – вытерла взмокший лоб Мири, – спасибо, Леш.

Она благодарно похлопала крепкое предплечье, звякнувшее металлом в ответ. Перебрала по нему пальцами до самого плеча, накрытого кольчугой. Ощупала дальше и обнаружила... короткую бороду.

– Ведьма, – хрипло прошептал призрак, неотрывно следующий за ней – не думаю, что это твой друг.

Мириам тоже так не думала. У Леша была щетина, но не было усов. И ремешка под подбородком не было. И шлема.

Она судорожно сглотнула, ощупью возвращаясь к бороде. Стиснула её в кулаке... и дёрнула со всей мочи, предоставляя возможность заорать невидимому незнакомцу. Сама же, поскользываясь на липком и тягучем, бросилась к стене, налетела на первую попавшуюся дверь и заскочила в зал инициации. Тяжело дыша, прижалась к ней лопатками, шаря по помещению взглядом: чем бы таким забаррикадировать вход? Но обнаружила только пятерых вооружённых мужчин, двое из которых замерли по бокам от двери и взирали на неё с насмешливым любопытством.

– Плохая была идея, – сама себе сообщила Мириам и вот теперь заорала.

Обманка пятая

Про друзей и недругов

За годы путешествий медиуму довелось побывать во многих передрягах. Наёмников, а эльф, два гнома, тролль и человек вряд ли могли быть кем-то ещё, Мири тоже встречала не впервые. Однако прежде ей везло не становиться препятствием на их пути. Что ж, любое везение когда-нибудь заканчивается.

– Падай на пол!

Мири бросилась на живот прежде, чем взвесила, стоит ли выполнять команды мертвеца.

Стоит! Клинок остроухого расписал дверь в том месте, где мгновение назад находилась шея девушки. Мириам лихорадочно заработала руками и ногами, пытаясь максимально увеличить расстояние между собой и наёмником, удачно сшибла по пути треножник, замедливший кинувшегося вдогонку гнома, и спряталась под столом, на котором всё ещё лежало недоиницированное тело.

Вояки не выглядели злодеями. Не бросились всей кодлой на беззащитную девчонку, не угрожали задрать юбку и не запугивали, чтобы перед смертью неожиданная жертва осознала всю безвыходность своего положения. Тролль и человек вообще не обратили внимания на вошедшую: они копошились в дальней части зала, упаковывая что-то в большой деревянный ящик, и вовсе не интересовались происходящим. Зато остальные трое, обделённые столь увлекательным занятием, не прочь были повеселиться.

– А ты говорил, скучно! – добродушно заметил гном номер два, помогая подняться навернувшегося приятелю.

Мири решила бы, что у неё двоится в глазах, такими одинаковыми они были: по бёдра взрослому мужчине, но широкие, почти такие же квадратные, как их бороды, с огромными ступнями и палицами, повторяющими друг друга до последнего железного шипа. Близнецов вряд ли различала даже родная мать, которая наверняка очень гордилась профессиональным выбором кровиночек!

– А что здесь весёлого? – депрессивно пропел изящный эльф, смахнув на сторону смоляную чёлочку, закрывающую один глаз. – Мы несём лишь смерть и разрушение, четверо святых отвернулись от нас и считают позором рода человеческого.

Не прекращая стенаний, изящный наёмник убрал в ножны меч, вытащил вместо него кинжал из-за голенища сапога и метнул в Мириам. Вряд ли её защитила бы ткань, свисающая с тела на столе, но, к счастью, оружие слегка сменило траекторию, пролетая мимо гнома номер один.

– Ты что делаешь, остроухий?! – возопил он, отбивая свистнувшее возле лица лезвие.

– Несу смерть и разрушение, – вежливо ответил эльф.

– Ты их не мне носи! Ты их вот ей носи!

– Моё оружие не знает промаха, ты остался бы невредим, а смерть настигла бы...

– Да я тебя сейчас сам настигну! Дайте я ему вмажу! А ты что стоишь? Держи меня! – Гном дождался, пока брат ухватит его за шиворот, и демонстративно замахнулся палицей: – Черепуху твою ща как проломлю, посмотрим, чего куда понесёшь!

Пока перебранка оформлялась в потасовку, Мириам времени не теряла. Она на четвереньках выползла из-под стола, подобрала не долетевший кинжал и снова спряталась в укрытие. Там, правда, оказалось уже занято: призрак сидел, подогнув одну ногу и придерживая колено сцепленными ладонями.

– Ну что, ведьма, погеройствовала? – едко поинтересовался он. – Нравится?

– Это всего лишь небольшое недоразумение. – Мири неумело стиснула рукоять двумя руками и прижала её к животу. – Сейчас всё выяснится и...

– Нет, сейчас эти ребята закончат паковаться и прирежут тебя как ненужного свидетеля, – отрезал призрак.

– Свидетеля чего?! Я, например, ничего такого важного не видела, – неуверенно выпалила она, – а ты?

– Угу, трупа и крови в коридоре ты тоже не видела, – поддакнул дух.

– Ну вот зачем ты? Я, может, понятия не имела, что это труп!

– Ну да, ну да. Я сразу догадался, что ты не слишком сообразительная женщина.

– Сам дурак! – огрызнулась медиум.

Ссора не осталась незамеченной. Гном номер два отпустил брата (тот сразу перестал лезть в драку с эльфом) и опасливо поинтересовался:

– Чего она там бормочет? Эй, рыжая, ты чего там бормочешь?

– Это она молится перед смертью, – с готовностью ответил призрак.

– Нет-нет, ничего, не обращайтесь на меня внимания, пожалуйста! – вежливо улыбнулась Мириам.

Отвлёкшись от своего упаковочного дела, тролль почесал зелёное свисающее между ремнём и коротковатой рубахой брюхо, рыгнул и предложил:

– А давайте мы её с собой возьмём? В дороге будет, чем развлечься.

– А давайте мы лучше тебя оставим? – раздражённо бросил пятый наёмник, у которого никак не получалось заколотить крышку деревянного ящика.

Мысленно определив изуродованного шрамами мужчину с молотком в главари, а может понадеявшись на человеческую солидарность, Мири обратилась к нему:

– Уважаемый! Эй, уважаемый! Да-да, я с вами говорю! Вы не могли бы отозвать своих подручных, а то я что-то начинаю нервничать...

А нервничать было с чего: гномы подбирались к укрытию медиума с двух сторон, вряд ли намереваясь завести светскую беседу. Повезло хоть, что эльф больше ничем не швырялся: обиделся на приятелей за грубость и, прислонившись к двери, внимательно рассматривал идеально чистые ноготочки, что-то там поправляя в маникюре по ходу дела.

Но вместо того, чтобы поддержать сестру по виду, мужик в шрамах громогласно заржал, бу'хая, как в бочку. Наконец, вытерев слёзы смеха, хорошенько шарахнул по крышке ящика, чтобы она встала, наконец, на место, и приказал:

– Кончайте её ребята и двигаем.

Гномы скривились, как лишённые угощения дети, но послушаться не посмели – поудобнее перехватили дубинки и пошли в атаку.

– Эй, это какая-то ошибка! Не надо меня кончать, я сама с этим прекрасно справлюсь лет через пятьдесят! Ребята! Эй, ребята? Ну что вы молчите, эй?!

Она беспомощно оглянулась на призрака.

– Что? – приподнял брови он.

– Сделай что-нибудь!

– Очень интересно. Я сделал уже: запретил тебе сюда ходить. Но ты же у нас сильная и независимая.

Мири сердито стукнула бусинами в волосы.

– Ой, вы посмотрите, какой обидчивый! Можно подумать я первая неблагоприятная женщина на твоём пути!

– Предположим, не первая. – Призрак помрачнел и почему-то прикрыл уши волосами. – Но спасать ещё одну дуру я не стану. Да и что, по-твоему, я вообще могу предпринять?

– Ну не знаю... Подвигай предметы! Явись им и напугай! Вы иногда так делаете, я видела!

Мертвец молча выкинул вверх кулак, который беспрепятственно прошёл сквозь столешницу и лежащее на ней тело.

Мириам посмотрела вверх, вниз...

– Вот вечно всё самой решать!

И неуклюже, на карачках, но с боевым кличем, вылезла из укрытия.

В её руках – в руках рыжей, растрёпанной, похожей на птенца, вывалившегося из гнезда, девицы – куда уместнее смотрелся бы кухонный нож, чем эльфийский кинжал. Но, как говорят нежные невесомые дриады, когда приходит сезон торга: бери что есть, гномья харя и не вякай!

Она приняла боевую стойку: ноги расставлены, ягодицы сжаты, глаза зажмурены. А призрак, хоть Мири этого и не видела, встал у неё за спиной, скрестив руки на груди, и внимательно осматривал зал, просчитывая невесть что.

Нет, Мириам не обладала сверхспособностью проявлять боевые навыки в критических ситуациях. И уж точно она не надеялась, что с небес, позёвывая, спустится кто-то из святых, скажем, покровитель боевых искусств Тевер, и раскидает обидчиков, как котят. Но удача любила медиума, а потому кто-то должен был её спасти.

– Прыгай вперёд, – коротко велел спаситель в лице призрака, и Мири повиновалась.

Мириам была девушкой хрупкой и невысокой, но эффект неожиданности творит чудеса!

Спешащий к ней гном оказался снизу, засучил короткими ножками и заверещал, пока не понимая, что кинжал, сжимаемый ненормальной девкой, пропорол не сердце, а только кожаную куртку.

– Добивай и к дверям! – отдал следующий приказ дух.

Медиум непонимающе уставилась на гнома, копошащегося под ней, как перевёрнутый жук, и растерянно поинтересовалась у него же:

– То есть как это добивай?

– По горлу! – Призрак присел рядом на корточки, показывая, куда наносить удар.

– Не стану я никого добивать! – заупрямилась Мири.

– Тогда добьют тебя. Голову!

Девушка припала к груди гнома, как вдова, рыдающая над поверженным возлюбленным, а палица просвистела чуть выше.

– У тебя что, глаза на затылке?! – возмутился наёмник и помог подняться брату, пока откатившаяся в сторону девица улепётывала.

– Да, две пары! – заверила его она. – Я вообще монстр, бойся меня!

Призрак помассировал пальцами переносицу и вставил:

– Я уже сам тебя боюсь... Сказал же, к дверям, дура! Куда ты в противоположную сторону!

– Сам дурак! Там же этот... ушастый!

– Он в ближнем бою ничего тебе не сдела...

И тут выяснилось, что к дверям Мири не побежала правильно. Потому что они распахнулись с такой силой, что эльф, отвесив поясной поклон, пробежал аж до середины зала – гномы предупредительно разошлись в стороны, чтобы не попасть под траекторию его движения.

В дверях стоял оборотень. Нет, не так: **ОБОРОТЕНЬ!** Эту ипостась своего друга Мириам уже видела, но она и подумать не могла, что, если пёс встопорщит шерсть, а пасть его запачкать кровью, он будет выглядеть столь устрашающе.

На его голове, придерживаясь за лохматые собачьи уши, восседала фея. Лепесток георгина на её голове походил на шлем, а изо рта доносилась такая брань, что наёмникам впору было конспектировать:

– Сейчас всех нахрен отфеечу и выфеечу, что на том свете помнить будете! Ща я вам всем ... к такой-то матери фейской ... и бошки пооткручиваю! Чтобы вам ... и ... да за ... и сахарный крендель туда же!

– Пошла жара! – обрадовался призрак. Его рука привычно дёрнулась к бедру, но меч мертвецу не выдали, поэтому он лишь задорно растёр ладони друг о друга. – У эльфа повреждена правая нога. Один укус ниже колена, быстро!

– Леш! – Мири ткнула в эльфа, не успевая сообразить, что делает. – Правая нога!

Дрессированные собаки отлично слушаются хозяев. Дрессированные оборотни, как видно, тоже. Одним прыжком догнав эльфа, он сомкнул челюсти возле его колена. Раздался хруст, за ним крик, согласное «фу-у-у-у» от гномов, и остроух временно выбыл из строя.

Викси кубарем скатилась по мохнатой шее, попыталась ухватиться за шерсть на спине, но успела оседлать только хвост двоедушника.

– Бей их, парниша! Мочи-и-и-и! – С её стрекозиных крылышек сыпалась волшебная пыльца.

– Гномов – сбить с ног. Они неуклюжи! – поступил новый приказ.

– Леш!

Не успела медиум озвучить команду, а оборотень уже напрыгнул на коротышку. Второй помчался спасать брата, но Мириам быстро выторговала у совести дозволение напасть на врага сзади и, размахнувшись валяющимся треножником, огрела его по затылку. Звон при этом раздался такой, как будто металлической была не только подставка, но и черепушка наёмника.

– А теперь валите!

– Вот ещё! – Мири рубанула треножником воздух. – Мы же победители!

– Вы идиоты! Выиграли десяток ударов сердца, так пользуйтесь!

Боевого духа святые выделили на друзей поровну. Но, если у Леш и Мириам помимо него оставалось ещё немного места для благоразумия, то Викси жажда драки захватила целиком.

– Ату их, ребята! Ату-у-у-у! – она вертелась, дёргала оборотничий хвост, заставляя грозного окровавленного пса подскуливать, как укушенная блохой собачонка. – Куси его плеши-вый! Фея'ть тебя не перефея'ть! Гномье мясо знаешь какое вкусное?!

Подобное заявление заставило Мири поумерить пыл, с которым она размахивала подставкой светильника:

– Тебе-то откуда знать, Вик?

Фея отпустила одну руку, чтобы горделиво подбочениться, из-за чего чуть совсем не навернулась с оборотня:

– Женщина имеет право на один маленький секретик! – прогорланила она.

– Напомни не злить эту малявку, – прыснул призрак и тут же снова натянул серьёзную и осуждающую мину. – Эльф сбоку! Вот так, девочка, – одобрил он удар треногой сверху-вниз.

– Раскомандовался тут! – повторила манёвр на бис Мири. Эльф томно закатил глаза, выпуская из ослабевших пальцев меч.

Наверное, будь противников всего трое, наши одержали бы победу. Но противников не было трое. Более того, те, кто выбыл из строя, не были даже наиболее ценными бойцами.

Главарь пнул наконец-то заколоченный ящик в сторону выхода и коротко велел:

– Всё, ребята. Заканчиваем.

Нехорошо это прозвучало. Как-то слишком равнодушно. Гномы приподнялись на локтях, переглядываясь и, прежде, чем Мири поняла, откуда ждать беды, синхронно кувыркнулись в стороны. А на поле битвы вышел троль...

В отличие от гномов, он не был низкорослым. Напротив: огромный, на полторса выше Леш в человеческом обличье. Мелкая лысая башка казалась наростом на огромном теле, таким же, как многочисленные бородавки на торчащем брюхе. Он оскалился в улыбке, зер-

каля ощерившуюся пасть двоедушника; поленившись обнажать короткий широкий меч, болтающийся без ножен у пояса, распахнул объятия и пошёл на оборотня.

Пёс низко зарычал, припадая на передние лапы, напрягся всем телом...

– Нет, стой! – но призрака услышала только медиум.

Оборотень прыгнул, преодолев добрую треть зала, Вики, уцепившаяся за кончик его хвоста, орала благим фейским матом.

Троль не шелохнулся. Не попытался увернуться, не ударил. Он подставил выпирающее пузо, позволяя псу сомкнуть челюсти на жировой складке. Толстая кожа треснула, прорываясь, пёс повис на враге, но тот улыбнулся ещё шире и... обнял оборотня. Крепко обнял, хорошо. Сильнее, чем обнимают влюблённые после долгой разлуки. Пёс засучил задними лапами, располозова штаны тролля, исцарапав до проступившей зеленоватой крови, но здоровяк не отпускал. Сжимал крепче, крепче... Пока не стало ясно, что оборотень не сумеет освободиться.

Мириам и Вики бросились на него разом. За собственным криком Мири не услышала ругани призрака, а если бы и услышала, проигнорировала бы. Дух требовал, чтобы она спасалась, чтобы пользовалась преимуществом и немедленно выполнила приказ «единственного умного человека в этой сумасшедшей компажке».

– Леши-и-и-и!

Мириам повисла на локте тролля, Вики вспорхнула к его лысине с такой скоростью, с какой не летала последние десять лет. Они царапались, кусались. Фея колошматила наёмника ладошками прямо по лысине, словно играла на зелёном барабане.

Но он не отпускал.

Призрак стиснул виски, не в силах спасти самонадеянных идиотов.

– Тролли не чувствуют боли!

Гном, которого Мири так и не добила, рассеянно покручивал эльфийский кинжал. Отобрать у растяпы оружие ничего не стоило... Для нормального человека. Но не для призрака. Дух перехватил резную рукоять – пальцы прошли насквозь, даже не замедлив её движения. Раз, второй... Безнадёжно!

Прихрамывая после падения, гном приблизился к троллю, пощекотал стилетом хребет оборотня:

– Эта псина мне ногу вывихнула! Дай я её освежую!

Троль не горел желанием делиться добычей, обнажил жёлтые зубы и отпихнул коротышку. Гном бойко покатился по полу, но его место тут же занял близнец, шатающийся после удара по затылку. Из человека железная тренога надолго вышибла бы преступные наклонности, но крепкие гномьи черепа выдерживали и не такое. Поэтому гном набылчился и замахнулся палицей:

– Ты на кого тут граблю свою поднял, а? Ты на брата моего граблю свою? Н-н-н-а!

Затрещина пришлась на висок. Троль осоловело затанцевал, не разжимая объятий, Мири и Вики так и болтались на нём, не рискуя упасть и быть затоптанными.

Стычку прервал главарь. Не зря он выполнял обязанности старшего: эти выпученные глаза могли поставить на место не то что рослого тролля, но и дикого великана.

– Я вам что сказал?! – заорал он, на ходу обнажая сверкающий меч. Ох, не зря клинок так сверкал: без дела ему оставаться не доводилось. – Взяли ящик и пошли вон! – приказал пучеглазый гномам. Хотя и травмированные, послушаться они не решились. По дороге подхватили под мышки поскуливающего эльфа, кинули сверху на груз и принялись толкать к выходу, не прекращая бурчать в бороды.

Главарь направился к троллю, и у Мири вдруг промелькнула сумасшедшая мысль, что всё это недоразумение, что сейчас подчинённые получают на орехи за несанкционированное

нападение и всё уладится... А потом он походя, даже не глянув, куда бьёт, полоснул по обмякшему телу пса.

Троль отпускал, и оборотень свалился на пол не как живое существо, а как мешок муки – без единого звука и конвульсивного движения.

– Ле-е-е-е-еш-м-м-м!

Прочистить горло Мириам не дали. Сообразив, откуда дует ветер, троль перехватил её, прижав под мышкой и закрыл огромной вонючей лапицей рот. От главаря он пятился, как нашкодивший ребёнок, но девушку не выпускал, словно притащил с улицы грязного котёнка и нарвался на строгого родителя.

Шрамы на лице главного пришли в движение, так судорожно напряглись мышцы:

– Я что тебе приказал?! А?! Куда драпаешь? Думаешь, от меня сбежать можно?! А ну стоять!

Он стиснул край рубахи тролля, заставив того ссутулиться.

– Да ну что сразу я? Это всё они... – надулся зелёный.

– Да срать я хотел, что там они! Пшёл! – он брезгливо пихнул тролля, и тот покорно поплёлся к выходу.

– Девка-то тебе зачем?

– Н-н-н-ада! – заупрямился зелёный, сильнее прижимая Мири к себе, отчего она начала цветом напоминать троллиху.

– Шею сверни и брось!

– Н-н-н-ада!

Не сдавалась только Вики. И, хоть и оставшись в одиночестве, она намеревалась положить всех врагов до единого. Три одиноких волосины на макушке тролля она уже вырвала, но это не принесло ожидаемого эффекта. Мириам дрыгала ногами всё реже и безнадежнее, а дверь неумолимо приближалась.

– Да я тебя сейчас на куски поделю, как торт! – визжала фея. – Я тебе ногу оторву, а потом засуну в ... и там же проверну!

Троль поковырялся в ухе мизинцем, но писк не прекратился; озадаченно покрутился, но никого не нашёл; хлопнул себя по загривку, надеясь пришибить назойливую муху... и попал. На ладони осталась сверкающая пыльца.

Идущий впереди главарь в последний раз притормозил в дверях:

– Клянусь, Ронни, если ты удержишь нас ещё хоть на один удар сердца...

Но Ронни задержал.

Троль впервые столкнулся с магией фей. А Вики и сама не знала, что её пыльцы хватит на такое. Однако же хватило. Зелёный здоровяк сделал ещё несколько шагов, не понимая, что подошвы уже ни на что не опираются, а в следующее мгновение взмыл к потолку. Лысина проделала дыру в деревянном навесе, а троль полетел в обратном направлении. От неожиданности наёмник разжал руки, так что Мириам приземлилась почти одновременно с ним, а Вики величественно опустила пятью ударами сердца позже, как осенний листик на ветру.

В ужасе от случившегося троль зыркнул на недвижимую рыжую девушку, на дверь, за которой только что скрылся начальник. На его лице отразилась усиленная работа мысли, приведшая к единственно возможному выводу: нужно делать вид, что ничего не случилось. Он выскочил за остальными как раз в тот момент, когда медиум, кашляя и заливаясь слезами, рванула к оборотню.

– Леш! Леш! Леш, миленький! Хороший мой, ты же в порядке, правда?

Призрак уселся рядом, деловито осматривая кровоточащую полосу поперёк туловища пса.

– Да, – саркастично заметил он, – именно так и выглядят те, кто в порядке! Святые, ты так и будешь его тормозить?! Твой приятель от этого не оживёт!

– Оживёт?! Он же... Он же не умер, да? Леш? Леш!!!

Конечно, в менее стрессовой ситуации Мири сообразила бы, что трясти друга, заставляя рану кровоточить ещё сильнее, – худшая из идей. Но делала она именно это.

– Прекрати рыдать, ведьма! – Призрак сильно стиснул переносицу, резко выдохнул воздух и решил: – Прекрати истерику! Я помогу. Нужна тугая повязка. Вон хоть с трупа тряпку сними.

Рукавами вытирая мокрый нос, прерывисто дыша, медиум бросилась к столу, не глядя сорвала с недвижимого тела белоснежную ткань и снова кинулась к другу.

Пальцы разжались сами собой. Ткань выскользнула. Девушка медленно оглянулась на стол. Так медленно, словно то, что она увидела там, могло исчезнуть, дай она ему чуть больше времени.

На столе горделиво и чинно, сложив руки под грудью, лежала Ледна.

Бледная и как будто помолодевшая. Старая шаманка смотрела в потолок широко раскрытыми глазами и ехидно улыбалась, точно унесла с собой на тот свет нечто очень интересное. И алый разрез на её шее повторял изгиб морщинистых губ.

Ноздри истекающего кровью пса расширились. Оборотень принялся, содрогнулся и горько завыл.

Обманка шестая

Про попутчиков

Растопыренная пятерня закрыла любопытную мальчишескую физиономию целиком. Мири пихнула пацана и он, красиво растопырив руки, вывалился из окна в объятия трёх приятелей, страхующих его у стены.

Медиум высунулась по пояс, обвела мальчишек самым суровым из своих взглядов и изрекла:

– И так будет к каждым!

Пацаны прыснули в разные стороны и, глядя на них, Мири чуть сама не сиганула на улицу, поддавшись ностальгии. Не так давно они с Леши удирали от взрослых с той же расторопностью. Теперь же взрослой была она, Мириам. От неё спешили скрыться юные разведчики, она грозила оборвать им уши, если сунутся ещё раз в комнату к раненому.

– Ба-а-а...

Оборотень застонал сквозь сон, и Мири, позабыв о мальчишках, снова присела к нему на лежак, промокнула бусины пота полотенцем, смоченном в отваре. Рецепт его присоветовал призрак, сведущий в лекарском деле куда больше, чем местный врачеватель. Тощий двоедушник, помогавший Ледне ставить на ноги больных, оставшись в одиночестве, тряся, как берёзовый листик, застрявший под карнизом, перевязывал Леши криво и неумело. В конце концов, призрак не выдержал:

– Если не хочешь, чтобы этот придурок угробил твоего дружка, гони его в шею.

– Что, предпочитаешь угробить его сам? – огрызнулась медиум.

Новоявленный лекарь, запутавшись в узких лентах ткани, возмущенно дёрнул за край перевязи:

– Ну, знаете ли, если считаете, что справитесь лучше...

– Ой ё! – вскинулся Леши от боли.

– Нет, лучше я точно не справлюсь. Ты парня добьёшь куда скорее!

Мириам отобрала у неумёхи лекарства и поспешила последовать совету духа. Лекарь сопротивлялся и угрожал только для виду, на деле же обрадовался, что ответственность за жизнь нового шамана взяла на себя его подруга, и безропотно позволил вытолкать себя из комнаты.

– Сними повязки и промой рану сначала, – велел призрак, отвернувшись к окошку и заложив руки за спину. – Плесни из зелёного бутылка на полотенце, смешай с той вонючей мазью и осторожно протри края, да смотри, чтоб в порез не попало.

– А то что?

В порез, разумеется, попало, и Леши, взыв похлеще, чем волк на луну, подпрыгнул до самого потолка.

– А то снотворное понадобится, – не оборачиваясь, прокомментировал мертвец. – На дне сумы лекаря туесок с серым порошком. Запихни в рот. Да не себе, дура!

Мири чихнула в пригоршню порошка и торопливо сплюнула то, что успела попробовать на язык.

– Может ты Леши травануть хочешь!

– Хочу, конечно, – не стал спорить призрак. – Но пока не решил, что стану.

Проигнорировав выпад, Мириам выставила туесок на стол, рядом с плетёной корзиной, в которой дрыхла Вики в обнимку с кружкойпряного вина. Или, если точнее, с кружкой *изпод* пряного вина. Фея заявила, что нет в мире снадобья, способного восстановить её психи-

ческое здоровье после случившегося, а потом вспомнила про алкоголь и приступила к незамедлительному лечению. Мириам приберегла укоризненную речь на потом, плотно занявшись лечением друга, но на корзинку косилась крайне осуждающе. Неизвестно, ощущала ли Вики эти укоризненные взгляды, но храпела сладко, а пухлой ножкой подёргивала так, будто даже во сне сражает кровожадных троллей.

– Сколько порошка? – поинтересовалась Мири.

Призрак развернулся, подпрыгнув, уселся на подоконнике и равнодушно ответил:

– С его-то габаритами? Скорми, сколько влезет, лишним не будет.

– А ежели помрёт? – неуверенно предположила медиум.

– Тогда нас будет двое, а тебе придётся особенно активно искать способ вернуть нас к жизни. – Призрак подогнул и поставил одну ногу на подоконник, поболтал второй и закончил: – В этом и заключается мой коварный план.

Медиум запустила в духа крышкой от туюска. Та беспрепятственно вылетела в окно, внизу кто-то ойкнул, послышался удаляющийся топот.

– Шпионы там, шпионы здесь, – прокомментировал дух.

– Ась?

Легко сказать: накорми оборотня снотворным! Когда оборотень вдвое крупнее врача-теля и терпеть не может горькие порошки, ситуация сильно усложняется. Мириам уселась на ноги Леши, закрыла ему нос, вынуждая разомкнуть губы, и сыпала целую горсть порошка, тут же закрыв рот ладонью и навалившись сверху. Двоедушник подёргался ещё с пяток ударов сердца, но, наконец успокоился и уснул.

– Шпионы, – повторил призрак, когда запыхавшаяся Мириам встала рядом с ним.

– Ну тебя. Просто ребята за Леши волнуются, вот и заглядывают при каждом поводе.

Словно в доказательство её слов, в дверь неловко стукнули:

– Мири, детка, я вам молочка... – слащаво послышалось из-за неё.

– Пошла вон! – гаркнула медиум, швыряя в приоткрывшуюся дверь мокрое полотенце.

Первые восемнадцать раз девушка выгоняла любопытных вежливо, объясняя, что не стоит беспокоить больного даже если очень-очень нужно убедиться, что он и правда ранен, а слухи о драке и смерти старой Ледны – не слухи вовсе, а чистая правда. На тридцать шестой терпение Мириам иссякло, а вот снаряды, пригодные для метания, – нет.

– Мимо, – оценил призрак. – Но правильно. Кто-то же сдал наёмникам самый короткий и безопасный путь из города. И в полнолуние, когда все на охоте, они явились неспроста. Уверен, волки, которые рванули в погоню за ними тоже вернутся ни с чем.

– Да как ты смеешь обвинять местных?!

Но кроме негодования ответить было нечем. Мири и сама не раз и не два возвращалась к этой мысли. Наёмники пробрались в селение не без помощи изнутри, поэтому каждый шорох выводил из себя, а любой обеспокоенный друг, заглядывающий с расспросами, принимал облик страшной вражины.

– Ты думаешь о том же, – спокойно отметил призрак.

– Я думаю о том же, – согласилась медиум.

А поскольку думать долго Мири не любила, предпочитая действовать, вещи она тоже начала собирать сразу. Покидала в корзину к фее медикаменты, упеленала оборотня, как младенца.

Призрак наблюдал за этим снисходительно, не задавая вопросов и не останавливая медиума до последнего. Но даже он не выдержал:

– Куда-то собираешься?

– Сам же сказал: везде шпионы, доверять никому нельзя. И ещё, – медиум повесила корзинку на сгиб локтя, – меня тут все страшно задолбали!

– И ты считаешь, что вылечишь своего приятеля без посторонней помощи?

– Я – нет. А вот ты, кажется, знаешь всё о боевых ранениях.

Призрак задумчиво почесал шею кончиками пальцев: кажется, теперь уже медиуму нужна его помощь!

– И ты решила, что я стану помогать тебе, потому что...? – мстительно спросил он.

– А что, у тебя есть более срочные дела? – невинно хлопнула ресницами Мириам.

Что ж, они оба понимали, что после смерти Ледны шансы на оживление призрака исчезли, как вино из кружки Викси.

Мириам удовлетворённо улыбнулась.

– Значит, нам осталось только достать транспорт.

Перевезти больного в рощу за селением оказалось непросто, но необходимо. Больше всего вредничал Зверь, на дух не переносящий как собак, так и волков, но в итоге и он смирился. Смирился с должностью лекаря и призрак, вынужденный признать, что, если этой рыжей сумасшедшей что-то взбрело в голову, куда проще с ней сразу согласиться, а не терять время в препирательствах.

Среди деревьев фургон казался огромным алым провалом. Таким же алым, как рана на горле старой Ледны. А шлёпающие по его крыше кленовые листья – жестокими ухмылками наёмников, изуродовавших память об этом чудесном месте.

Мири сидела на поваленном стволе и бездумно пялилась в тлеющий костёр. Пропахшая дымом вязаная кофта, в которую она куталась, не грела, а ноги в сапогах на шнуровке мёрзли ещё сильнее, чем без них. Стоило подкинуть дров, иначе вода в криво пристроенном котелке рисковала заледенеть, а не закипеть, но Мири тянула. Больше всего на свете она желала, чтобы друг проснулся здоровым, но если сейчас она отнесёт ему чашку горячего бульона и разбудит, придётся говорить. А говорить о морозящем дожде, больше похожем на туман, и разукрашенной осенью роще не получится. Не в этот раз.

Кто-то за завесой дыма неслышно обошёл костёр и присел на то же бревно, что и медиум, но чуть поодаль, будто бы они не знакомы. Не отрывая взгляда от рыжих искр в углях, она протянула:

– У тебя волосы каштановые...

Призрак вытянул руки к костру, но те не ощущали ни тепла ни холода, так что он болезненно поджал губы и спрятал ладони под мышками.

– Скажи мне что-то, чего я не знаю, ведьма.

– Я не ведьма. Почему у тебя волосы каштановые?

Мужчина провёл ладонями от лба до затылка, на миг убирая волосы назад и открывая едва-едва заострённые уши. И правда в роду эльфы отметились! Нахмурился, наверняка собираясь ответить очередной грубостью, но передумал и сказал другое.

– Не подохнет твоё пёс, не бойся, – нехотя утешил он Мири. – А и подохнет, тоже невелика беда.

– Что ж ты такой козёл?! – Мириам развернулась к нему, оседлав бревно.

– Я не козёл, я мертвец, – спокойно ответил дух.

– Ты же говорил, что не умер.

– Говорил, – согласился «не козёл», – но мы оба понимаем, что без шаманки ты ничего сделать не сможешь.

– Будешь так себя вести, я и не попытаюсь!

Мужчина резко наклонился, почти касаясь кончиком своего идеального носа её:

– То есть, ты утверждаешь, – вкрадчиво поинтересовался он, – что если я *не* буду вести себя как козёл, ты сможешь что-то сделать?

– Я этого не говорила, – дерзко фыркнула медиум и снова повернулась к костру.

Призрак попытался схватить её за плечо, но бессильно стиснул зубы – не получилось. Он сжал руку в кулак, очень жалея, что не может расквасить им чью-нибудь морду. При жизни он поступил бы именно так: заявился в таверну и наварлся на драку, чтобы вернуть себе контроль на привычном поле боя. В драке всё просто, в драке есть победитель и проигравший. И вторым он никогда не становился.

– Почему у тебя каштановые волосы? – повторила Мириам.

Мертвец раздражённо передёрнул плечами:

– Понятия не имею. Спроси у моей драгоценной матушки при встрече.

Медиум закрыла глаза, вдыхая успокаивающий костровой дым. Он щекотал ноздри и возвращал мыслями к их с Вики многочисленным посиделкам у огня, к тому времени, когда всё было хорошо, а алый фургон ехал быстрее грустных мыслей.

– Ты не понимаешь, да? Я спросила, почему у тебя каштановые волосы.

– И?

Мири тяжело вздохнула (мужчины как дети!), встала, поправила покосившийся котелок и добавила в костёр поленце, пока пламя совсем не потухло. Развернулась на каблуках, уставившись прямо на мужчину, и широко улыбнулась, хотя в последние дни казалось, что вовсе разучилась это делать:

– Откуда я знаю, что они у тебя каштановые?

Призрак подался вперёд, намереваясь утопить рыжую нахалку в сарказме, как вдруг...

– О, вижу, голова начала работать, – ехидно отметила Мири.

Призраки не ощущают прикосновений. Не чувствуют жары и холода. Не хотят есть или пить. Призраки – лишь тени. Рыжеватые тени, не хранящие в себе живых красок.

А мужчина у костра имел отчётливый каштановый оттенок волос и тёмные дикие глаза.

Мири подмигнула ему зелёным глазом:

– Дошло?

Не будь он призраком, горло пересохло бы от осознания.

– Что ты об этом знаешь, ведьма? – хрипло спросил мужчина.

– Мириам.

– Что?

– Не ведьма. Мириам. Мири. Госпожа медиум. О прекраснейшая из женщин. Выбирай любое обращение из вышеперечисленных.

– Что ты знаешь об этом, – призрак сделал выразительную паузу и приподнял бровь, – о прекраснейшая из женщин?

– А ты?

– Ты выводешь меня из себя, ве... прекраснейшая из женщин.

– Это я умею, да, – подтвердила Мири и протянула руку: – А ты?

Мертвец вызывающе откинулся назад, но забыл, что сидит на бревне, поэтому принять эффектную позу не получилось.

– Я тоже умею, – подтвердил он.

– Это я заметила.

– Марах. Ты можешь звать меня Марах, прекраснейшая из женщин, – добавил он и протянул руку в ответ.

Прикосновение ладоней заменило рукопожатие, а Мириам снова показалось, что кожу пощекотал лёгкий ветерок. Нет, конечно же так не бывает с призраками. Но ведь и призрак ей достался не самый простой, так?

В котелок отправились овощи и крупа из мешочка. Мири готовила подчёркнуто неспешно, играя на нервах Мараха и не произнося ни слова. Наконец, перемешав суп в четвёртый раз, отпробовав и добавив соли, она села рядом с ним и сообщила:

– Мне нужно уехать отсюда.

Марах обвёл рукой сырую печальную рощу и язвительно уточнил:

– С чего бы? Такое гостеприимное местечко!

Мири как-то странно посмотрела на крышу фургона, на которую успел нападать целый ворох алых кленовых листьев.

– Видеть не могу больше это место, – прошептала она.

Марах понимающе хмыкнул:

– Всегда бежишь от неприятностей?

– И они пока ещё ни разу за мной не угнались, – девушка коснулась груди и склонила голову, как бы принимая комплимент.

– И как твой побег поможет мне?

Она расправила клетчатую юбку на коленях:

– А ты всегда уверен, что мир крутится вокруг тебя?

– Обычно так и бывает, да, – с достоинством кивнул Марах.

Деревянная ложка на длинной ручке снова заскребла по стенкам котелка. Мири перемешивала ужин долго, крепко над чем-то задумавшись и наконец выдала:

– Смерть шаманки открыла проход между мёртвыми и живыми, как на инициации. Все призраки, включая Ледну, ушли туда. А ты остался.

– Никогда не был подвержен стадному инстинкту.

– Или ты никогда не был мёртвым.

Комментариев на этот счёт у Мараха оказалось очень много. Они теснились у рта, толкали друг друга и не давали какому-то одному вырваться наружу насмешливым замечанием. Он подошёл, завистливо заглянул в котелок, скользнул взглядом по черенку ложки и хрупкой руке медиума, поднялся по плечу, ощупал шею...

– Ты только сейчас это поняла? – елеинным голосом уточнил он. – Я повторял это снова и снова...

– А, – Мири махнула ложкой в его сторону, брызги упали на жухлую траву позади духа, – я тебя не слушала.

– Почему?!

– Ты мне не нравился, – как само собой разумеющееся объяснила девушка.

– А теперь, значит, нравлюсь?

Мири снова покосилась на крышу фургона и признала:

– Теперь я бы не отказалась от компании. Даже если она твоя.

Марах аж поперхнулся от такого заявления. Как всякий привлекательный мужчина, он никогда не был обделён женским вниманием. Более того, привык, что за него борются, срывая с соперниц шляпки вместе с париками, но никак не равнодушно позволяют примкнуть к кортежу. Он легко подул на перья в косичках Мири. Те чуть шелохнулись, но понять, сдвинуло ли их дыхание мертвеца или ветер, было невозможно.

– А с чего ты взяла, что я захочу к тебе присоединиться?

Мириам тоже не впервые встречала как красавчиков, так и наглецов, и поддаваться на чары образца «два в одном» не собиралась.

– Для начала, – заявила она, – я единственная, кто тебя видит, и без меня ты сдохнешь от тоски. Да и вообще ты первым ко мне прицепился, так что, честное слово, если сгинешь, страдать не буду. Ну и ещё одна такая ма-а-а-аленькая деталька... – Мири выдержала паузу, обыкновенно доводящую её клиентов до сердечного приступа и заставляющую изрядно раскошелиться. – Ты провёл со мной четыре дня и внезапно начал напоминать живого. Не задумывался, что случится через неделю? Две? Три?

– А ещё я тебе нравлюсь, – самодовольно закончил Марах.

– А ещё ты меня нервидуешь, – язвительно исправила девушка. – Но ты и правда выручил нас с наёмниками. И Леша выздоравливает благодаря тебе. Так что я в долгу. И да, зову тебя поехать с нами: со мной и Вик.

Обмен колкостями прервало сдержанное кхеканье.

В дверях, придерживаясь за стену фургона, стоял Леша. Его глаза казались огромными из-за синяков под ними, волосы спутались, а повязка от плеча до пояса, хоть и была свежей и чистой, словно рубила тело надвое.

– Я помешал? – тактично поинтересовался он.

– Леш! – Мири бросилась поддержать друга. – Чего встал? Тебе ещё отдыхать надо...

– Ничего, – криво ухмыльнулся он, – на мне всё заживает как на собаке.

– Давно ты тут стоишь?

Оборотень пожал правым плечом, всё ещё не рискуя дёргать левым.

– Достаточно. С кем говорила?

– М-м-м, – осклабился Марах, – кто-то обиделся, что ты отвлеклась на другого.

– Ой, иди ты! – отмахнулась Мири.

– Я?

– Не ты, Леш. Марах. Хотя, в принципе, оба вы идите. Ты – в постель. А ты – она обвинительно выпучила глаза на призрака, – нафиг!

– Одумайся, женщина! – вздёрнул брови Марах. – Ты ведь уже ко мне привыкла!

– Не дай святы! – искренне ответила медиум.

– Один в постель не пойду, – простосердечно заявил Леша. – Ты со мной? Нет? Тогда я тут посижу.

Девушка попыталась запихнуть двоедушника в фургон, но тот потуги проигнорировал и тоже спустился к костру.

– Алё! А я тут, значит, одна подохнуть могу к феюнам? – тут же донеслось из повозки, и наружу поспешила Викси.

Летать она не могла. После стычки с наёмниками крылышки были помяты, а левое нижнее ещё и треснуло. Зато уже восемнадцать раз фея ненавязчиво намекнула, что, если бы не она, выживших вообще не осталось бы. Собственно, она была не так уж и не права, хоть и приписывать себе героическую единоличную победу над троллем и нескромно.

Двоедушник вытянул босые стопы к огню, блаженно пошевелив пальцами, и только медиум заметила, как ревниво наблюдал за этим Марах. Мири подхватила фею, усадила к себе на плечо и вернулась к готовке, из-под чёлки следя за оборотнем. Тот никак не выказывал беспокойства и вообще выглядел почти таким же невозмутимым, как восседающий рядом с ним невидимый Марах.

Удивительно они смотрелись рядом! Оборотень – высокий, мышцатый, даже сейчас, после тяжёлой раны, вызывающий лёгкое беспокойство у тех, кто не знал, насколько добродушен Леша.

И Марах. Мири попробовала это имя на вкус ещё раз, едва шевельнув губами и торопливо отвернулась, когда заметила, что взгляд диких тёмных глаз метнулся к ней. Марах... Станный мужчина. Худой и поджарый, со своими длинными пальцами и саркастично вздёрнутой бровью. Будь он живым, Леша вырубил бы его одним ударом мощного кулака. Наверное... Было в Марахе что-то неуловимое. Яростное и опасное. Как в эльфийском кинжале, который несколько дней назад чуть не оборвал жизнь Мириам. Аристократичный и изящный, с резной рукоятью тончайшей работы он был куда более страшным оружием, чем кулак. Особенно если уметь с ним обращаться.

– Мири?

– М-м-м? – отозвалась она, стараясь смотреть на плавающую в бульоне крупу, а не на друга.

Он приглашающе похлопал по бревну.

Мириам печально проследила за бесцельно носящимися по кругу крупинками и с пригорбем признала, что больше поводов избегать разговора не имеет. Она села рядом, оказавшись между Марахом и Леши. Вики на её заливке обеспокоенно покосилась в ту сторону, с которой находился призрак, даже пнула пухлой ножкой воздух. Ничего не обнаружила, но на всякий случай перелезла на шею Леши и принялась увлечённо расчёсывать его спутанные волосы.

Оборотень смотрел спокойно и так... как будто прощал её за все грехи, которые Мири планирует совершить. Ей аж захотелось особенно много нагрешить, чтобы такой взгляд не пропадал вхолостую.

– Что?

Она неосознанно отклонилась, чтобы их лица не находились так опасно близко, но из-за спины тут же показался Марах, высокомерно разглядывающий оборотня, и невесомо коснулся подбородком плеча медиума.

– Ну почти, почти, – одобрительно кивнул он.

– Что почти? – пискнула Мири.

– Почти герой, почти любовник. Ещё вот столечко, – над вторым плечом мелькнула его рука, показавшая небольшое расстояние между пальцами, – ещё вот столечко и научится флиртовать с девушкой.

– Ой, а сам ты как будто умеешь!

Призрак неощутимо потёрся щекой о её щёку, понизил голос и заволаживающе хрипло поинтересовался:

– А сама как думаешь?

Думать в этот момент вряд ли у кого вышло бы, потому что с одной стороны от девушки выжидательно пыхтел оборотень, а с другой пялился призрак.

Мири неловко по-дружески пихнула Леши в плечо, тот выпучился от боли, но героически стерпел и не проронил ни звука.

– Ой, прости! Другое плечо, да?

– Да нет, – вымученно усмехнулся он. – То самое. Всё нормально. Что ты там говорила?

– Я?

– Только что. Хочешь мне что-то... предложить?

– Ё-о-о-о-олки, – протянула Мири вполголоса.

Нет, она ничего не хотела ему предлагать! Но Леши был уверен в другом: разговор с невидимым духом он принял за репетицию речи. «Я зову тебя поехать с нами: со мной и Вик». Он так хотел отправиться с ними в прошлый раз и, конечно же, теперь, потеряв последнего родного человека, мечтает сбежать из дома! Так поступил бы кто угодно на его месте. Ну, или так поступила бы сама Мириам. Вот только она звала не его...

Широкая горячая ладонь по-свойски накрыла её колено.

– Мири?

С надеждой и ожиданием. С этими своими щенячьими глазками. Ну каким чудовищем нужно быть, чтобы обидеть этого беззлобного здоровяка?

– Тебе показалось, – выдавила Мириам.

– Ого! – Марах заплотировал. – Ты бы лучше сразу избила его туфлей!

Медиум натянуто улыбнулась. Нет, она не умеет врать. Не ему. Не мальчишке, с которым провела половину детства.

– Я говорила... с мертвецом.

Горячие пальцы на колене судорожно сжались, смяв клетчатый подол. Леши поймал её подбородок, не давая отвернуться, заглянул в глаза: в зелёный, как весенняя листва, и в золотой, как умирающая осень. Но не нашёл в них ничего, кроме растерянности.

Мири потупилась и будто бы случайно стряхнула его ладонь с колена.

Решив, что подруга вспомнила о непрошенном поцелуе, Леш мягко погладил её подбородок и отодвинулся.

– Эх, – с сожалением ударил себя по бедру Марах, – не дотянул! А так старался!

Мириам обиделась за друга и негодуя зашипела:

– Слушай, не пошёл бы ты, а?

– Дорогая, не хочешь надеть повязку? – медитативно заплетаящая оборотню косички Вики обеспокоенно нахмурилась.

– Нет, я нормально. А Марах уже заткнулся.

– Вообще ни разу! – ехидно вставил призрак, закинув ногу на ногу.

Фея похабно захихикала:

– Ма-а-а-а-а-а-ах? У мертвеца есть имя? И чем же он так отличается от остальных полчищ призраков?

– И правда, – поддержал фею Леши.

Мири задрала руки вверх, сдаваясь:

– Ничем! Просто обычный призрак.

– Угу, – поддержал «обычный призрак», с невинным видом покачивая ступнёй. – Самый что ни на есть обычный.

– Да! – запальчиво подхватила Мири.

– Уверенный, самодовольный...

– Наглый и невыносимый!

– С идеальным носом. Как ты там говорила? «Таких ровных у людей не бывает»?

– Сующий свой нос, куда не надо, – перефразировала медиум.

– И красавчик ещё.

– И... козёл ещё, – вовремя исправилась Мири.

– А ещё если бы не его навыки в бою, вас всех перебили бы наёмники. Не за что, – иронично поклонился он.

Леши ссадил Вики на бревно, поморщился, наверное, думая, что незаметно, и отошёл к костру. Бесцельно крутанул ложкой в котелке, едва его не наверхнув, разворошил уголья и, наконец, с прохладцей произнёс:

– Значит, его ты с собой звала, а меня не хочешь?

Воспринимать двоедушника всерьёз было сложно: фея заплела четыре тонкие косички, сходящиеся на затылке в одну, ещё и украсила их цветными нитями. Над своей причёской Мири позволяла ей издеваться как угодно, но образ высоченного широкоплечего мужика подобный декор низвергал с пьедестала крутости.

– Ну почему же не хочу? – потупилась Мири, усердно расправляя складочки на юбке и, казалось бы, целиком увлечённая этим занятием.

– Потому что нам не нужен второй попутчик! – выручила её фея. Уж кто-кто, а Вики тактичностью никогда не отличалась.

– Но призрак с вами едет.

– Нам и первый-то попутчик был не нужен, – развела руками Вик. – Но этого я хоть не вижу, он и не мешает.

Почувствовав поддержку, Мириам осмелела:

– Мы очень тебя любим, Леш. Но взять с собой не можем.

Оборотень выпрямился. Даже сейчас, у раненого и осунувшегося, видок у него был внушительный. Вряд ли одинокому медиуму разумно отказываться от столь крепкого сопровождения.

– Почему нет?

– А нафея' да? – удивилась Вики.

Она принялась, покрутила головой и уверенно направилась по бревну к сумке с провизией, куда Мири опрометчиво покидала и лекарства. Запрыгнула внутрь, как с утёса в воду и выбралась наружу уже любовно обнимая пузатый бутылёк.

– Вик хочет сказать, что ты ранен и не готов для путешествий, – заботливо уточнила Мири.

– Ничего, до свадьбы заживёт, – с едва уловимой горечью заявил двоедушник. – Какие-то ещё отмазки?

– Здесь твой дом!

– Здесь нет больше ничего, что меня держало бы, – отрезал Леша. – Ты и сама предпочла спрятаться в лесу, а не провести эти дни с комфортом.

– А вдруг кто-то из погони вернётся с новостями?

– Это из тех, кто потерял след наёмников уже на второй день? – желчно усмехнулся оборотень. – Не смотри на меня так! Я не всё время был без сознания, а на слух не жалюсь. Уверен, сородичи сделают всё, что в их силах. Но они не сделают того, что нужно. Не сделают того, что собираюсь сделать я.

– И то верно. Хочешь сделать хорошо, делай сам, – подогрела спор Вики. Она самозабвенно прикладывалась к бутылку, а блеск пьяненьких фейских глазок выдавал его алкогольное содержимое.

– Вик, ты опять пьёшь?! – возмутилась Мири.

– Лечусь! – Фея подняла вверх пухлый перст.

– Отдай заначку!

– Да она вообще не моя! Сами подсунули, а Вики теперь виновата!

Мириам попыталась отнять «лекарство», но тут же отдернула укушенный палец: делиться находкой фея не была предрасположена.

– Оставь меня, подруга, я в печали! – Вики проворно перебежала на другой край бревна. – Не сбивай накал страстей! И что же ты собираешься сделать, плешивый? – восхищённым шёпотом поинтересовалась она.

– Я собираюсь найти и убить их, – твёрдо ответил Леша.

Смешной и добродушный пёс внезапно превратился в хищника. Никогда Мири не видела его таким и надеялась, что никогда и не увидит. Зато остальные отнеслись к идее одобрительно.

– Какой мужчина-а-а-а! Р-р-р-р! – Вик схватилась за грудь и упала навзничь, проследив за тем, чтобы содержимое бутылки не расплескалось. – Хватай, а то уведут! Хватай, а то я уведу!

– А вот это уже интересно, – со скрытым одобрением хмыкнул Марах.

И только Мириам противилась подобной трансформации. Она вскочила, одёрнула юбку с такой силой, что та едва не слетела, и заявила:

– Ну уж нет! Нашёлся мститель! Никуда ты не поедешь, ясно, Леш?

– Или что, мамочка? – недобро оскалился он.

Мири подлетела к нему, как защищающая гнездо птица. Она и была птицей рядом с ними: миниатюрная, встрёпанная, часто размахивающая руками и звенящая бусинами в волосах. Но Леш – непреклонный здоровенный пёс – считаться с ней не собирался.

– Я никуда тебя не повезу, ясно! Ты не поедешь, потому что... потому что... я так сказала, вот почему! Я вам не извозчик!

Она попыталась стукнуть двоедушника, но тот перехватил и завёл её руку за спину, при этом любовно обняв за талию.

– Тем не менее, покатай по городам призрака ты не против.

Бесстрастно наблюдавший за этой картиной Марах подтвердил:

– Кстати да.

– Потому что ему нужна помощь! – Мири рванулась, но едва не вывихнула плечо. Ранен Леша или нет, а скрутить её был в состоянии.

Викси удивлённо рыгнула:

– Помощь? С каких это пор мы помогаем кому-то бесплатно?

– Вот с этих самых! Он нам жизнь, между прочим, спас! Хочу долг отдать и совесть очистить!

– О, это мило. Но с совестью ты прогадала, – поджал губы Марах. – Я не настолько хороший человек.

– Он спас?! – взбунтовалась фея. – Да если бы я единолично этого зелёного гоблина...

– Тролля!

– Этого трольего гоблина не выфеячила...

Мири дёрнулась раз, другой, но оборотень был почти так же упрям, как и она сама, поэтому вешать пришлось из унижительного полусогнутого положения:

– Ты остаёшься здесь, Леш, потому что здесь твой дом. А Марах едет с нами, потому что ему больше некуда пойти.

– Я бы поспорил, – вставил Марах.

– И потому что ему действительно нужна помощь.

Призрак растянулся на бревне во весь рост, заложив руки за голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.